

Михаил
ВЕЛЛЕР

ФАНТАЗИИ

НЕВСКОГО

ПРОСПЕКТА

Михаил Веллер

**Фантазии Невского
проспекта (сборник)**

«АСТ»

1999

Веллер М. И.

Фантазии Невского проспекта (сборник) / М. И. Веллер —
«АСТ», 1999

ISBN 978-5-17-037365-9

«Литвиненко раньше был начальником колонии. Леспромхозом же директорствовал Иван Иванович Шталь. Он не всегда был Иван Ивановичем. Он до сорок первого года именовался Иоганном Иоганновичем и был председателем колхоза в Республике немцев Поволжья. А потом всем, так сказать, колхозом очутился в Коми. Валили лес для государства и растили картошку для себя, – ничего, жили...»

ISBN 978-5-17-037365-9

© Веллер М. И., 1999

© АСТ, 1999

Содержание

Московское время	5
Узкоколейка	5
Правила всемогущества	22
Кентавр	36
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Михаил Веллер

Фантазии Невского проспекта (сборник)

Московское время

Узкоколейка

Литвиненко раньше был начальником колонии. Леспромхозом же директорствовал Иван Иванович Шталь. Он не всегда был Иван Ивановичем. Он до сорок первого года именовался Иоганном Иоганновичем и был председателем колхоза в Республике немцев Поволжья. А потом всем, так сказать, колхозом очутился в Коми. Валили лес для государства и растили картошку для себя, – ничего, жили.

В пятьдесят шестом году сняли колючую проволоку вокруг бараков, увезли на самолетах охрану, и леспромхоз полностью перешел на свободную работу. Многие, надо сказать, так на месте и остались: ехать некуда. Обзавелись семьями, получили зарплату, хозяйство развели, – опять же ничего, жили.

Но, естественно, производительность труда несколько упала, а себестоимость леса несколько выросла. И организация ухудшилась, поскольку руководить людьми стало не в пример труднее: как средства наказания, так и возможности поощрения свелись к минимуму. Что называется, дальше фронта не пошлют, меньше взвода не дадут. Чем ты можешь напугать человека, который и так валит лес в приполярной тайге?..

Областное начальство получило втык из Москвы, устроило разнос районному, местная власть прибыла на Ли-2 в леспромхоз и, оценив на месте обстановку, приняла простое и мудрое решение: Иоганна Иоганновича восстановили в партии и дали задание: вывести леспромхоз из прорыва.

И Иоганн Иоганнович с немецкой деловитостью навел порядок. Он отправил толкача в Мурманск – проталкивать продовольствие Севморпутем, ибо завозили все в короткую северную навигацию, а также в Сыктывкар – вышибать из местных Минфина и Минлеспрома максимум денег в заработный фонд, ну и перехватывать вовремя технику и ГСМ. И дело понемногу пошло.

Но затем в шестидесятые годы заработки стали урезать. Если раньше за каждый заработанный сверх наряд-задания рубль платили еще рубль премии, то теперь – шиш. План рос из года в год, чего нельзя было сказать о доходах. В результате выработка стала уменьшаться обратно пропорционально росту плана. А Иван Иванович начал с криками просыпаться по ночам, мучимый кошмарами о ревизиях, вскрывающих приписки.

Через десять лет такой жизни Иван Иванович, награжденный к тому времени орденом Дружбы народов, отчаявшись уволиться добром, полетел в Сыктывкар и лег на обследование. Мужик он был жилистый, выносливый, водкой не злоупотреблял, но подобная биография редко способствует укреплению природного здоровья: Иван Иванович получил неопровержимую справку, которая гласила о противопоказанности его изношенному организму местного неласкового климата, и отбыл на материк, на Запад, в Эстонию.

– Куплю хутор, заведу корову, – мечтательно сказал он. – Сил моих больше нет. Посадят. А за что? С меня хватит.

Надо сказать, что уговаривали Ивана Ивановича остаться не только начальство, но и работяги. Народ имел некоторое представление о том, что делается в соседних леспромхозах, и Ивана Ивановича любил. Знали, что справедлив, за грех не спустит, но заработать всегда

даст и лишнего не потребует. Так что на проводах речи произносились вполне искренние, и даже лились слезы, – правда, и выпито было соответствующе.

– Дуй уж прямо в Германию, Иваныч! – напутствовали. – Хрен ли тут намучился.

Несколько месяцев все шло вкривь и вкось под управлением бесхарактерного главного инженера, а потом прислали им Литвиненко.

Литвиненко прилетел со всем семейством, одетый, разумеется, в гражданское. В этих краях его прошлая карьера популярности не способствовала. Разумеется, и так все вскоре оказалось известно. Но это ничего, это бывает, мало ли чем человека могут поставить руководить. Однако добра большого не ждали, и в этом ожидании, как обычно случается, оказались правы.

Литвиненко очутился, следует признаться, в положении незавидном: сверху давит начальство, а снизу не хотят давиться подчиненные. Что называется, между молотом и наковальней. Но поскольку молот шарахает по наковальне, а не наоборот, то с ним в первую очередь и приходится считаться.

Литвиненко осмотрелся и начал действовать. Собрал собрание и произнес речь, призывая трудящихся поднатужиться, усилить, выполнить, оправдать и добиться, дабы достичь сияющих вершин. В ответ были брошены явно провокационные вопросы о заработках, продуктах, жилье, детсаде и прочем, что хотели урвать несознательные работяги от разваливающегося леспромхоза.

– Как поработаете, товарищи, так будете жить.

– Мало вламываем, что ли?

– Чтоб он так жил, как мы работаем, – прозвучало анонимное пожелание из зала.

Литвиненко, как человек прямой и в чем-то даже военный в прошлом, стал честно выполнять обещанное. В чем не преуспел.

Он попросил временно снизить план, в ответ на что ему было указано на политическую несознательность и непонимание государственных интересов.

Попросил увеличить премиальный фонд, на что было сказано, что его задача – повышать рентабельность хозяйства, а не понижать.

Попросил увеличить фонды на соцнужды, на что ответили, что рады бы, но помочь пока не в силах, есть узаконенные нормы...

Также не было новой техники, запчастей к старой, культтоваров, солярки и барж в навигацию.

– А как же выполнять распоряжение? – с офицерскими субординационными нотками спросил он.

– Улучшать организацию труда, – командным тоном дало начальство ответ в высшей степени туманный. – Крепить трудовую дисциплину! Изыскивать внутренние резервы.

Литвиненко хотел возразить, что на прежней работе изыскание внутренних резервов было делом ясным, а на нынешней как? Но, во-первых, был приучен всей прошлой жизнью начальству не возражать, а во-вторых, убоялся, что такой вопрос могут счесть желанием вернуться к старым и осужденным как ошибочным методам управления.

Прилетев домой мрачнее тучи, Литвиненко скомандовал жене подать закуски и, следуя старому русскому правилу поисков выхода из трудного положения, нарезался со страшной силой. Мужик он был массивный, крепкий, и выход осенил его к концу третьей бутылки.

От бутылок этих, стоимостью в те времена три рубля шестьдесят две копейки или же четыре двенадцать, плюс северная наценка, деятельность леспромхоза зависела весьма сильно. Впрямую зависела, можно сказать.

Усть-Куломский леспромхоз состоял из трех поселков: собственно Усть-Кулома, Машковой Поляны и Белоборска. Такое расчленение имело свои выгоды и недостатки.

К выгодам относилось то, что финорганам для выплаты всем работникам зарплаты хватало одной шестой от общей номинальной суммы: одними и теми же дензнаками дважды в

месяц платили в три очереди. Чтоб было яснее: выдавался аванс в Усть-Куломе, толпа сутки волновалась у кассы, и затем два-три дня никто не работал: деньги бесперебойно перетекали в сейф магазина, а оттуда – в отделение банка, расположенное через дорогу. Когда практически вся выплаченная сумма возвращалась в банк, – в основном через магазин, частично через сберкасса, занимавшую половину того же дома, – деньги запаковывали в мешок и отправляли в газике с охранником в Белоборск, где повторялся аналогичный цикл. А Усть-Кулом тем временем приходил в себя, отпивался рассолом и чаем и выезжал в лес на работу. За месяц деньги должны были обернуться шесть раз, поэтому иногда случались задержки: в Машковой Поляне уже волнуется очередь у кассы, а в Белоборске еще не рассосалась очередь в магазин, и молодой заведующий отделением банка орет на завмага, чтоб давала подмогу в винный отдел.

Некоторые купюры стали жителям старыми знакомцами, поскольку бумага на деньги идет качественная и служит долго. Егор Карманов, машинист мотовоза, как-то из интереса специально пометил крестиком новенький червонец, и с тех пор дважды в месяц кто-нибудь кричал: – Егор, а вот и твой крестник! Меняемся на двадцатку! – И все смеялись.

Однажды случилась катастрофа: баржу с водкой не то затерло льдами по случаю ранней остановки навигации, не то случился сбой в работе порта, но только водку на сезон не завезли. В результате усть-куломцы не истратили своих денег, и белоборцы остались без зарплаты. Зубчатое колесо товарно-денежного оборота замерло. Пустили яд слухи. Народ лупил кулаками по стенке кассы. Бледный банкир спецрейсом вылетел в Сыктывкар за деньгами, ибо в ответ на отчаянные радиотелефонограммы было много советов, но совсем не было денег. Он вымолил все-таки денег, которых хватило на треть желающих, но за настырность и неумение выкрутиться получил выговор.

Когда обстановка накалилась до угрожающего предела, министерство нажало на рычаги: из Красноярска пришел «Ил-18» с водкой, которую «Ли-2» доставил до мест. Прошедшая неделя стоила Литвиненко сердечного приступа, нескольких седых волос и партийного выговора. В справедливости выговора он, не приученный сомневаться, не сомневался, но было ему тошно.

Это о выгодах. Что же касается недостатков, то к ним относились неритмичность работы (верней, ритмичность-то как раз была, но уж больно горестная) и регулярные простои техники. В то время как в двух местах ее не хватало, в третьем она стояла, а не хватало к ней рабочих рук; и так – по кругу. Поначалу Литвиненко пробовал самолично ходить утром по домам, дубасил в двери и окна, чуть не на себе доволакивал людей до рабочего поезда: пока два часа будут ехать до лесных кварталов – протрезвеют, – но тут же одному вальщику отчекрыжило «Дружбой» ногу, сучкоруб шмякнул топором себе по голени, кого-то хлопнуло верхушкой упавшего дерева, мотовоз четырежды за день забурился с рельс в насыпь, шесть платформ-«половинок» с хлыстами вывалились под откос... (К осени такие хлысты, уже высохшие, пилят на чурки и везут домой на дрова: чем пригонять кран и доставать их, раскатившиеся, останавливая на полдня вывоз леса по магистрали, – проще свалить и погрузить новые.) Партбюро строго указало Литвиненко на нарушение техники безопасности и возросший травматизм, хотя нет у нас леспромхоза, где не ковыляло бы несколько инвалидов, по пьяному делу вступивших некогда в соприкосновение с бензо-, или хуже того, электропилой.

И вот Литвиненко придумал гениальный способ, как минусы превратить в плюсы, чтобы недостатки стали достоинствами.

Сообщались между собой три поселка отвратительно. То есть дороги как таковые имелись: по зимнику преодолевались часа за полтора, а в теплое время – уж как бог положит и кривая вывезет. Газик на двух ведущих мостах плыл, как яхта в шторм, а «Урал» жрал горячего столько, что в обрез хватало мотовозам. Но если Машкова Поляна ютилась на отшибе, то Белоборск был расположен иначе: хоть и далеко, и за речушкой, зато если мерить от него напрямик к основной усть-куломской железной дороге – «магистрали», – то по карте выходило

всего восемь километров, и как раз до разъезда «39-й км». А лес сейчас брался в кварталах именно от разъезда и до шестидесятого километра. Итак: если б возить белоборцев прямым через непролазную тайгу в усть-куломские квартала, они тратили бы на дорогу времени меньше даже, чем сами усть-куломцы: час вместо двух. (А то в половине седьмого утра скрипеть по снегу в ледяющей мгле на рабочий поезд, и в половине седьмого вечера во тьме же возвращаться домой – это для привыкших нормально, а редких приезжих бросает в оторопь:

– Зачем вы здесь живете-то? С такой работой, – в лесу, по грудь в снегу?

– А чего? Ничо. Надбавки. Пенсия максимальная. В вагончиках мужик приставлен, печки нажарит: тепло!.. Едем, в карты играем, разговариваем.)

Время стояло летнее, до конца года далеко: подбивать бабки выполнению плана нескоро... И Литвиненко вышел на связь с райкомом:

– Я решил сманеврировать средствами, – доложил четко.

– Это как? – настороженно осведомились сквозь треск помех.

– И людскими ресурсами!

– Какими?

– Мы можем в год перемонтировать четырнадцать километров «усов», так?

Усы – это боковые ветки, идущие от магистрали по кварталам. Когда квартал выработан, рельсы снимают и кладут в новое место, – кругляк под шпалы, конечно, бросают, там нарезают новый.

– Ну, – изрекло начальство после раздумья.

– Ветку в Белоборск! – полыхнул гордостью Литвиненко. – Возить народ туда-сюда, на случай простоев, и вообще... Экономия оплачиваемого времени на дорогу – раз; экономия топлива – два; повышение коэффициента использования техники – три; благоустройство сообщения – четыре.

В райкоме посовещались, поразмышляли, обсудили вопрос.

– А за сколько построишь?

– Брошу две бригады дорожников, выделю технику – за три месяца управимся. На это время леса в теперешних выработках хватит.

– Молодец, Литвиненко! – грянул голос. – Вот видишь – всегда есть внутренние резервы, если поискать!

Идея была санкционирована и обрела очертания приказа. Литвиненко загорелся. Переходящее знамя мерещилось ему, оркестровый туш, первое место в соцсоревновании, повышение, орден, перевод в Москву... мало ли чего может померещиться в тайге похмельному человеку, особенно если на него давит начальство.

На планерке он довел до руководящего звена леспромхоза свой план. Гениальность плана подчиненные не разглядели – как и полагается подчиненным, когда начальник намного умнее. Литвиненко ощутил себя Наполеоном, вынужденным выигрывать Аустерлиц со сплошными бездарностями. «Будущее мне воздаст», – подумал он, и в этом, наверное, был прав.

– Шталь на такой план не пошел, – промямлил начальник сплавного пункта.

Литвиненко стало неприятно, что подобный план кому-то уже приходил в голову.

– Не видел твой Шталь дальше своего носа! – гаркнул он.

Ему поддакнул бригадир дорожников Прокопенюк. Хитрый Прокопенюк отлично понял, к чему клонится дело.

– Короче – план одобрен и согласован, – известил Литвиненко. – Учетчикам вальщиков – доложить объем невыбранного леса по кварталам!

Леса определенно должно было хватить.

– Так. Объект ударный, поставим лучшую бригаду. Материальное обеспечение – в первую очередь ей. Какие поступят предложения?

Прокопенюк поймал его взгляд и слегка кивнул, как чему-то само собой разумеющемуся:

– Мои хлопцы не подведут.

– Отлично! – громыхнул Литвиненко. Развернул карту, полководческим жестом бросил на нее циркуль и линейку:

– За сколько справишься?

– Так если мне еще молдаван дадите, которые у нас по договору... – начал торг бригадир. (Молдаване работали здесь за лес, который в оплату их работы поставлялся в родной молдавский колхоз, где по части леса росли преимущественно заборы и виноград.)

Литвиненко в сопровождении Прокопенюка и главного инженера сел в прицепленный к мотовозу вагончик (ездить в кабине, как все делали, он полагал не по чину) и отбыл на рекогносцировку.

– Еле тянется, – цедил, супя мохнатые брови.

– Иначе забурится, – ласково пел Прокопенюк.

– Узкоколейка, чего с нее взять, – кашлял инженер.

Припилили за полтора часа. Литвиненко поместил на ладонь компас, командирским движением задал направление. Углубились в лес. Прокопенюк взятым у машиниста топором делал затески – метил трассу.

– Вот в таком духе, – сказал Литвиненко, отмахиваясь от зудящей тучи комарья и застревающая в буреломе. – А это что?..

Лишь сейчас заметил он, что они стоят как бы на заброшенной, заросшей наглухо тропе, угадывающейся узким проемом в уходящих вдаль вершинах. На стволах желтели давние, заплывшие смолой и натеками коры, затесы.

– А это здесь лет пятнадцать, говорят, назад, геодезисты из Москвы трассу метили. – Инженер зло прищелкнул овода.

– Зачем?

– А в Белоборск же.

Литвиненко посопел.

– И что ж? Бросили?

– А денег не было, – объяснил Прокопенюк.

– Денег, – хмыкнул Литвиненко. – Надо понимать, когда жалеть, а когда тратить!

– Вот это точно, – согласился Прокопенюк.

Уложив в голову старую геотрассу как козырь в поддержку своего плана, Литвиненко счел рекогносцировку законченной:

– Поехали! Прикинем смету...

Смету прикидывали сутки, взяв за жабры плановиков и бухгалтерию. Те только побряхтывали.

– И мотовоз с платформой в личное мое распоряжение, – загибал пальцы Прокопенюк. Диспетчер встал на дыбы, но был осажен.

– И чокеровщик.

– Получишь.

– В вальщики Сысоева мне дашь, – незаметно он перешел с начальством на ты. Литвиненко поморщился, смолчал, – не время портить отношения, пусть заведется на работу.

– Аккорд – сорок процентов, и пусковые.

– Само собой.

– Пусковых – двадцать процентов. И премию. – На глазах всего народа Прокопенюк сосал кровь из начальства.

– Сделаешь в срок – будет премия.

– В размере квартальной, – вконец обнаглел Прокопенюк. – За ударный труд на особо важном объекте.

Бухгалтер вытер плешь концом старого шелкового галстука. Потом им же протер очки.

– А не треснешь? – любопытствовал он.

– Не тресну, – заверил Прокопенюк. – Лишь бы ты не треснул. И бригаду разборщиков – под мое начало. И лапы им сварить новые, не из тех ломов, что гнутся, а закаленных, сам отберу.

Начальник мастерских пожал плечами.

– Все? – спросил Литвиненко. – Но смотри: чтоб завтра в девять приступили!

– Есть! – молодежато подыграл Прокопенюк. И отправился по домам – переговорить с машинистом, помощником, вальщиком и трактористом. Организовать дело он умел, этого у него не отнимешь.

И – работа закипела! Именно так и подумал назавтра Литвиненко: «Работа закипела!» – лично глядя, как рушатся сосны и кедры, как сверкают топоры сучкорубов, с ревом ворочается, оттаскивая стволы, трелевщик, с визгом врзается в них бензопила, разделяя на двухметровые свежие кругляши, лежащие в линию шпал будущей дороги.

В Белоборске заняли позицию выжидательную. Горячие умы прикидывали новый маршрут до усть-куломского магазина. Дебатировался вопрос о разделе заработков. Сомневались насчет постройки моста: пусть речушка левая, вброд переходили, однако – инженерия!..

Каждый вечер в половине седьмого Прокопенюк являлся к директору докладывать о ходе работ. Половицы победно скрипели под его кирзачами, брезентовая куртка вкусно пахла скипидаром и хвоей, взгляд из-под кепочки являл достоинство. Ребятки выказывали рвение, крутая пахота не сгибалась: дорога рвалась вперед полным ходом.

К первому июля он доложил:

– Два километра девятьсот – как одна копеечка!

– Спасибо за работу! – ответил Литвиненко и стиснул ему руку.

Первое августа:

– Есть пять семьсот!

– Спасибо за работу!..

– Спасибо в стакан не нальешь, – хмуровато сказал Прокопенюк.

Зашедший за подписями бухгалтер в негодовании потряс кулачками. Жора, молодой бригадир молдаван, одобрительно хрюкнул.

– Тебе что – мало? – угрожающе протянул Литвиненко. – Твои бездельники в этом месяце по...

– ...шестьсот двадцать, – услужливо подсказал бухгалтер.

– А вламывали как?

Усть-Кулом постепенно разделился на два лагеря: команда Прокопенюка – и все остальные. Прокопенюковцы получали шестьсот-семьсот на круг. Им продавали в неделю по две банки тушенки и сгущенки, хотя полагались они всем работающим в лесу, а также индийский чай, который на прилавок не выставлялся и шел как бы через спецраспределение. В день получки по личному распоряжению директора им отпустили в специальной кладовке орсовского склада по бутылке коньяка, который в магазине отродясь не стоял: исключительно водка и красное.

Обделенный же лагерь нарек эту рабочую гвардию рабочей аристократией и в свою очередь расслоился на две неравные части: первая, составлявшая подавляющее большинство, завидовала завистью обычной, то есть черной, и ратовала привести прокопенюковцев к общему знаменателю и даже репрессировать за рвачество; вторая же, меньшая часть завидовала завистью белой, то есть строила козни, как бы самым проникнуть в привилегированный круг, и при этом условии была согласна примириться с создавшимся положением. Продавщицы вели с Прокопенюком взаимовыгодные переговоры об устройстве своих мужей. Смазчик Пронькин, известный алкаш, после аванса гонялся за Прокопенюком с цепью от пилы, требуя восстановить равноправие.

А из райкома регулярно запрашивали с доброжелательной требовательностью:

- Как осваивается фронт работ?
- Согласно графика! – кричал Литвиненко, прижав для лучшей слышимости руку рупором к трубке. – С превышением нормативов!
- Ты подсчитал, на сколько процентов повысится использование техники?
- На одиннадцать и семь десятых! – бухал он без боязни: контора подгонит нужный результат.
- Так это же прекрасно! – ликовала трубка. – А производительность труда?
- Экономисты мои обсчитывают, – врал Литвиненко.
- Прикидочную цифру можешь назвать? Нам надо включить в отчет.
- Шесть процентов, – придумала экономистка правдоподобную цифру.
- Семь с половиной процентов, – передал Литвиненко.
- Молодец, Литвиненко!

В кабинете между портретом и сейфом Литвиненко повесил крупномасштабную карту района и каждый вечер скрупулезно отмечал красным карандашом пройденный отрезок на идеальной прямой, соединявшей 39-й километр с Белоборском.

К сентябрю красная стрела подползла к голубой ниточке реки, что соответствовало на местности расстоянию в семь километров семьсот метров. (Конечно – гладко было на бумаге, да забыли про овраги, а по ним ходить; могло оказаться там и больше восьми километров, кто в тайге эти километры мерил; могли и в сторону метров на пятьсот уйти – и это не смертельно, там скруглим, дело обычное, не транссибирскую магистраль строим, рабочую узкоколейку.)

Он весело хлопнул Прокопенюка по литому круглому плечу:

- Ну как, бисова душа, реку-то уже видно?
- Куда ж она денется, – ровно ответил Прокопенюк. – Мы свое сделаем, не подведем.
- Завтра вас навещу!
- Милости просим...

Плавнo отвeтвляясь от насыпи, железнодорожная колея с радующей глаз прямизной рассекала тайгу. Посверкивающие рельсы были намертво пришиты к оранжевым круглякам шпал, еще не успевших потускнеть. В конце пути безостановочно продолжалась отрадная деятельность: деревья валились, трелевщик урчал, топоры тюкали, вперестук гнали эхо молоты костыльщиков, с одного маха вгоняющих четырехгранные костыли в податливую сосновую древесину.

– Прокопенюк свои груши отрабатывает, – с мрачноватой горделивостью предъявил картину Прокопенюк.

- Сколько уже сделали?
 - Семь километров и восемьсот двадцать метров. Сегодня уже девятнадцать звён уложили, это сто четырнадцать метров. (Он не врал: столько показал и спидометр мотовоза.)
 - Так... – молвил Литвиненко, сурово взглядываясь в перспективу. – К реке вышли?
 - Все по плану, – пожал плечами Прокопенюк.
 - Так вышли?
 - Да куда ж она денется.
 - Вышли или нет?! Сколько осталось?
 - Ну, может, самая ерунда осталась...
 - Сколько?!
 - Да что я, речник, – грубовато сказал Прокопенюк.
- Литвиненко достал компас, линейку, циркуль, расстелил на траве карту. Проверил.
- Должны уже выйти, – скрывая растерянность, произнес он.
 - Должны – значит, выйдем, – успокоил Прокопенюк.

– Все будет в ажуре, – заверил богатырь Жора, бригадир молдаван, скаля белейшие зубы с зажатой в них беломориной.

– А ну пошли посмотрим, – решил Литвиненко.

– Рабочий день кончился, – сказал Прокопенюк. – И так уж задержались, вон темнеет уже.

– Ничего!

Но в чаще темнело быстро, люди за спиной недовольно медлили, Литвиненко как-то сразу устал, выдохся, и машинист все время подавал гудки, нервировал (торопился домой, к хозяйству); действительно, подумал Литвиненко, а вдруг тут не пятьдесят метров, а пятьсот, на ночь глядя лезть в лес и правда без толку, и промерить расстояние точно надо будет.

– Но завтра – обязательно!

– Само собой.

Но назавтра его срочно вызвали на совещание в район, по срывам подготовки к итогам третьего квартала и окончанию сплавного сезона, вернулся он только через два дня, сплавщики как обычно не справлялись, и весь день он проторчал на сплаве, а потом был день получки, потом суббота, так и затянулось.

Из райкома теребили:

– Сообщите процент выполнения плана по железнодорожному строительству!

– Сто двадцать два процента! – орал Литвиненко.

– Сколько погонных километров?

– Семь девятьсот!

– К реке вышли?

– Так точно!

– А мост?

– Мостовая бригада сформирована. Инженер произвел расчеты. Поставим в кратчайшие сроки!

– Не подкачай! – вибрировала мембрана в трубке.

В среду Прокопенюк вернулся из лесу в час дня. Шагая весомо и мерно, с непроницаемым лицом, он стукнул в директорский кабинет, сел, снял кепку и пробасил:

– Ну вот, значит. Я свое слово сдержал.

– Готово?! – радостно вскинулся Литвиненко. Обнял, стиснул: – Молодец, бисова твоя душа! Ну, поехали – покажешь!

Вагончика под рукой не было, встали по-простому в кабину.

– До берега дошли?

– Все как обещали, – повторил Прокопенюк.

Точно на стрелке Литвиненко списал для верности цифры со спидометра. Напряженно вглядывался в размытую расстоянием табачно-зеленую даль, куда летело синее двойное лезвие рельсов. Прокопенюк молча курил, сев на корточки в углу под окошечком.

Через пятнадцать минут Литвиненко начал бледнеть. Но он молчал, надеясь убедиться, что видимое ему только кажется, что на самом деле все так, как должно быть.

– Приехали, – сказал машинист, Егор Карманов, сдвигая ручку газа и глуша дизель.

Литвиненко стоял каменно, как памятник самому себе. У рта Прокопенюка струйка дыма застыла в воздухе, прекратив свое движение. Было слышно, как высморкался рабочий, сидевший на последнем звене уложенных рельсов.

Дорога упиралась в тайгу.

– Ты что – охренел? – заревел Литвиненко, хватая Прокопенюка за шиворот и пытаясь приподнять и потрясти. Прокопенюк не сдвигался, словно из чугуна его отлили.

– Восемь километров как одна копеечка, – чугунным голосом прогудел он.

Литвиненко оторопело сверил запись со спидометром.

– Восемь ровно, – подтвердил Егор, улыбаясь доброй улыбкой человека, не причастного ни к чему плохому.

Литвиненко прыгнул на спиленный заподлицо пень. Работяги встали. Выражение его лица было таково, что побросали окурки и даже как бы подтянулись по стойке смирно, – слегка оробели.

– Су-у-у-ки!! – завопил Литвиненко. – Га-а-ды!! Вы куда же дорогу построили, падлы?!

– Так это... мы что... – пробормотал Жора. – Куда было указано. А мы работали на совесть, смотрите сами...

– Дорога хорошая...

– Отрихтовали до сантиметра, хоть у машиниста спросите...

– Ни одного костыля не пропустили, проверьте сами.

– Шпалы все, как по линейке... подбирали даже специально...

Литвиненко, одурев от абсурдности ситуации, в отчаянии и ярости топал ногами:

– Линеечки!! в глотку тебе линейку!! чтоб голова не болталась!!! Белоборск где?!

– А где ж ему быть, – рассудительно отозвался из кабины Прокопенюк. – Стоит себе, где стоял.

– А мы где?! – надсаживался Литвиненко, топая, как бы показывая этим топом место, где они находятся.

– А это дело не мое, – здраво отрекся Прокопенюк. – Линию вы проложили сами, дистанцию задали сами, мы выполнили. Проверьте сами.

– Проверю, – скрежетнул Литвиненко, – я тебя так проверю, что мама родная не узнает, тебя еще так проверят – жить будешь, а бабу не захочешь, вредитель.

– А вы мне ярлыки не вешайте, – с достоинством сказал Прокопенюк. – Я вам не зека, и жаргончик бросьте. Вон у меня бригада свидетелей. Давайте – вызываем комиссию! Пусть проверяют. Еще поглядим, кого из нас и где проверят... проверяльщик.

Багряный туман пал на Литвиненко, и телеграфным звоном зазвенела в нем невидимая струна... Очнулся он от ощущения холодной воды на лице. Он лежал на брезенте, над ним хлопотали.

– Ничего, – нежно сказал Жора. – Ничего, вы не волнуйтесь. Мы в крайнем случае дальше ее протянем.

Литвиненко встал (его поддержали), схватил компас и с треском, как кабан, вломился в заросли. За ним последовали гуськом.

– Егор, ты в кабине останься, – велел машинисту предусмотрительный Прокопенюк. – Каждые пять минут подавай гудок. А то – тайга, как природный коми сам понимаешь.

Через полчаса Литвиненко взялся за сердце, размазал с потом комаров и опустился на сырой мох. Гудок глухо доносился издали.

– Лезь на сосну! – ткнул пальцем в Жору. – Не на эту! вот на ту лезь, она выше и на отшибе стоит.

– То кедр, – сказал Прокопенюк.

– Я не умею, – конфузливо сказал Жора. – У нас лесов нет... откуда научиться...

Полез рябой парнишка: снял солдатский ремень, охлестнул вокруг ствола и двинулся, упираясь ребрами сапог.

– Дальше лезть? – прокричал он с вершины, полускрытый ветвями. – Тонко уже здесь!

– Реку видишь?

– Нет!

– Лезь!!

Нет, не было реки.

Выбрались обратно. Литвиненко молча влез в кабину, цыкнул:

– Домой – жив-ва!

Мерил карту, тупо смотрел на пляшущую стрелочку армейского компаса: недоумевал.

– Может, карта неверная? – предположил добрый Егор Карманов. – Или компас барахлит? У нас был вот в армии случай...

– Да заткнись ты со своими случаями!.. Дуй давай.

У конторы впрыгнул в свой газик и зловеще приказал:

– В Белоборск! И только встань по дороге – в лесу сгною, завтра же сучки рубить отправись.

Шофер Сашка Манукян, отбывающий здесь ссылку после срока, униженно ответил: «Слушаюсь, гражданин начальник», и в особо зловредных промоинах даже подстанывал от усердия в тон воющему мотору.

Белоборск, как и предсказывал справедливо Прокопенюк, стоял на месте. Неожданное появление директора вызвало удивление.

Встали на берегу. Разложив злополучную карту на капоте, Литвиненко упорно пытался понять, где ошибка. Никакой ошибки не было: все сходилось, все было указано правильно – и длина дороги, и направление... вот здесь, в каких-то двадцати метрах, за медленной темной водой, должны сейчас лежать рельсы. А не лежат.

– А ну давай на тот берег.

– Почти по пояс, зальет, что вы...

– Пошли со мной!

– Да вон здесь брод удобный, полста шагов.

Разделись до пояса (снизу, естественно), и, мощно ворочая задом, Литвиненко взбурлил воду.

Выбравшись на осклизлый берег, затрубил:

– Э-ге-гей! Прокопеню-у-ук!

Эхо отозвалось какое-то матерное. Никаких иных звуков не последовало.

– Пошли!

– Куда?

– К дороге.

– Так она где ж?

– Там.

– Так а если в стороне?

– Идем на тридцать девятый километр.

– Я не пойду, – тихо сказал Сашка.

– Почему еще не пойдешь?

– Заблудимся...

Литвиненко поозирался, подумал хоть в ухо ему дать... и повернул назад. На середине передумал:

– Садись в машину и через каждые две минуты – сигнал! Через час не вернусь – привезешь народ на поиски.

Через час вернулся – без успеха, злой, – и закручинился...

Самый-то кошмар начался назавтра. Ударная бригада объекта особого назначения в полном составе сидела на бревнах под окнами кабинета, деликатно куря.

– Ну, значит, это... – встал Прокопенюк.

– Почему не на работе?!

– На какой такой работе? У нас аккордный наряд на восемь километров. Сделали. За четыре дня до срока.

Литвиненко сдержал гнев:

– Ты мне дурака не валяй. В лес сейчас же все.

– В лес – это можно, – согласился Прокопенюк. – Всю жизнь в лесу. За этим дело не станет. Но сначала это... объект официально принять надо.

– Да что ж у тебя принимать?!

– Дорога железная узкоколейная восемь километров рельсы ТИП-22 на круглых шпалах без подъемных работ по просеке, – научнообразно вывалил Прокопенюк.

– Приму, когда дойдете до Белоборска.

– Этого в наряде нет, – возразил Прокопенюк. – В наряде указано – восемь километров. Так что – надо принять.

Литвиненко задумался тяжело. Положение нарисовалось безвыходное.

– Вот что, – пообещал он. – За работу получите сполна. Но сначала надо дойти до Белоборска.

– Так хлопцы работать не будут, – возразил Прокопенюк.

– Отчего же не будут? Им что, не все равно?

– Я в суд подам, – сказал Прокопенюк в ответ.

– Подавай, – усмехнулся Литвиненко. Закон – тайга: кое-какие связи у него еще оставались.

Прокопенюк оценил ухмылку правильно – сманеврировал:

– Тогда я катаю жалобы в райком, министерство и все газеты, – пригрозил бестрепетно. – Комиссии наедут. Слушайте, оно вам надо?

Литвиненко начал, наконец, осознавать, что из хозяина положения превратился в его раба. Комиссия из райкома будет крахом его планов, его карьеры... всего.

И тут, разумеется, по закону подлости – или закону нагнетания драматических эффектов, если угодно, – зазуммерил радиотелефон – вертушка. Литвиненко махнул Прокопенюку – мол, выйди, но тот уставился в окно, как бы не замечая желания выпроводить его.

– Да! – вытянувшись, кричал Литвиненко. – Да, подходим! Да, обязательно! Конечно!

– Ты смотри, – пищала трубка, – мы тебя в маяки выдвинули. Ты у нас теперь основатель почина, держись на высоте. Поддержим.

Долго горбился над телефоном, сжав виски кулаками.

– Что мне сказать ребятам? – разбил тишину Прокопенюк. – Ребята летом в отпуск не ходили, товарищ директор. А?

– Заплачу, – решился и рубанул Литвиненко. – Обещаю.

– Так – когда?..

– Сейчас!

– И аккорд?

– И аккорд.

– И пусковые?

– И пусковые.

– Тогда позвоните в бухгалтерию, пусть подпишут наряды-то.

Приемная комиссия в составе самого Литвиненко, главного инженера и старшего экономиста проехала по восьми километрам безукоризненной дороги и уперлась в тупик.

– Дорога в порядке, – твердо приговорил Литвиненко и скрепил бумаги своей подписью. Зыркнул приказующе, опасно.

В бухгалтерии поморщили бровки, посвистали носиками, но формально все было чисто: деньги на бочку.

Вечером Литвиненко крепко врезал и расхаживал по комнате, борясь с отчаянием.

– Главное – не выметать сор из избы, – повторял заикливо, – главное – не выметать сор... Если узнают наверху... Нет!! – грохнул кулаком по стене так, что упала фотография в рамке. – Так дойду ж я до Белоборска! сдохну – дойду!

Он виделся себе сказочным богатырем, окруженным врагами, мелкими и погаными, пытающимися мешать ему в праведном и победном намерении.

«Первое: никакой утечки информации. Дуракам полработы не показывают. Победа все спишет! И не такое делали.

Продолжать работы!!!»

Назавтра он не подписал отпуска двум девочкам из бухгалтерии, трактористу из сплавной конторы и крановщику.

– Товарищи, сейчас не время. На нас смотрит вся республика. Именно нам доверили проводить ответственный эксперимент по маневрированию рабочими ресурсами, по использованию внутренних резервов. Надо понимать – это особое положение. Сделаем дорогу – отпущу в отпуска всех. Причем бесплатный проезд обеспечу не только тем, кто не летал на материк уже три года, но и всем остальным, – оформим вперед. Даю слово. Это согласовано наверху, – убедительно врал он.

Оплаченный проезд понравился. Отпуска временно не оформлялись.

Точно так же временно прекратились любые командировки.

– Подождешь, – говорил он завгару. – Снимай детали со старых машин. Потерпи – выбью дополнительные фонды. Кончим объект – лично слетаю на завод, получишь все. Обещаю!

Упоминание о личном визите на завод подействовало.

Теперь следовало озаботиться приезжающими сюда. Литвиненко вызвал к себе начальника метеослужбы. Разговор долго кипел за закрытой дверью. Секретарше Любочке удалось разобрать отдельные слова: «Грузооборот!», «Совесть!», «Государственные интересы!» – и еще несколько, повторить которые она отказалась. Метеоролог вывалился перекошенный, пряча в карман записку к завскладом. С этого дня в Усть-Куломе прочно установилась нелетная погода – такой ненастной осени не припоминали даже старики-ветераны местной авиации.

Перекрыв такими мерами каналы возможной утечки информации, Литвиненко отбыл на объект – уже на девятый километр. Его сопровождал электромонтер с кошками и монтажным поясом. На месте Литвиненко облюбовал высочайшую мачтовую сосну, отобрал у монтера причиндалы и полез наверх лично.

Наверху шумел ветер. Пахучая смола липла к пиджаку. Пачкаясь, он поднес к глазам бинокль... Черт его знает: зеленое море тайги, будь оно проклято, шумело кругом, высокие соседние кроны закрывали обзор, и ничего было не разглядеть...

– Продолжать работы! – приказал он, спустившись.

На десятом километре бригадир разборщиков доложил:

– Рельсы кончаются... Где брать?

– Снимай со старой ветки. Скоро придет еще баржа с рельсами.

Это он чушь ляпнул, все понимали, что сейчас баржа никакая уже не придет, поздно, пришла бы в июле, заказывается всё на год вперед; но промолчали. Тем более что заработки были хорошие.

На одиннадцатом километре Литвиненко с горя задумал обратиться к помощи науки. Призвал в кабинет школьного учителя географии и сторожа мастерских, в прошлом младшего лейтенанта артиллерии, и указкой по карте изложил проблему.

Учитель пришел со своим компасом. Он долго вертел его, устанавливал, потом вертел карту, потом мерил расстояние, потом листал учебник.

– Ну?! – подстегнул Литвиненко. – Чему тебя учили? Сходится по твоей биогра... тьфу, географии?

– Да по науке вроде сходится... – испуганно согласился учитель.

Сторож-артиллерист посоветовал:

– Стодвадцатидвухмиллиметровая гаубица достала бы. Ахнуть раз – и отметить по разрыву в Белоборске, и все ясно тогда бы.

– Вот ахну тебе раз! – плюнул Литвиненко. И отослал консультантов подальше, озлившись.

Вечером учитель робко постучался к нему домой: он родил спасительную научную идею.

– Однако теодолит нужно, – сказал учитель.

– Где я тебе возьму теодолит?! Нет у нас теодолита!

– Дорогу нельзя без теодолита. Потому и не выходит.

Выяснив, что в дортресте у самих приборов в обрез, Литвиненко предпринял трехдневную речную экспедицию в соседний леспромхоз. Теодолит ему обменяли на полящика водки, списав его у себя по ведомости как пришедший в негодность из-за работы под дождем.

Теодолит торжественно вручили дорожному мастеру Левину, безгласному и безвредному соглашателю, и немедленно отправили в лес – готовить научные объяснения к приезду начальства. Левин укатил на дрезине, бережно обняв драгоценный прибор, каковой при высадке и расколлот необъяснимым образом вдребезги о рельсы.

Пред расстрельными очами Литвиненко он дрожал волнистой мелкою дрожью, как жалимый слепнем лошак, и лепетал о стрессе, азимуте и недостатке практики после института.

– Под суд пойдешь! – с бешеным наслаждением определил Литвиненко. – Мастер-ломастер... вредитель! Прибор уничтожил? Дорогу завел неизвестно куда? А диплом имеешь! Вот за все и ответишь – по полной строгости!

Назначив Левину роль громоотвода, Литвиненко слегка воспрял духом: найти виновного – решить полпроблемы.

Ночью Левин сбежал, не дожидаясь дальнейшего развития событий. Расследование установило, что он захватил чемодан с вещами и воспользовался одной из лодок на берегу. Настичь дезертира не удалось: видимо, он плыл в темноте, а днем прятался в зарослях. По слухам, Левин сплыл аж до Мезени, а там сел на самолет.

Предупреждая рецидивы, Литвиненко оснастил причалы автомобильным прожектором и приставил к нему сторожа. Спohватившись, надавил на начальницу почтового отделения и тайно ввел перлюстрацию писем: никаких упоминаний о секретном объекте. (Он сам не заметил, как мысленно стал именовать объект из ударного – «секретным».)

Переход на блокадное положение завершился. Усть-Кулом блокировал сам себя.

А дорога росла, и страх перед грядущим разоблачением рос вместе с нею. И одновременно рос интерес вышестоящих инстанций – интерес профессиональный, специфический:

– Каковы показатели за последний месяц?

– Сто два процента по сравнению к предыдущему!

– А себестоимость снижаете?

– Неуклонно! Сейчас снимаем рельсы с ближнего уса, расстояние подвоза сократили втрое.

– Производительность труда растет?

– Плюс три с половиной процента. Люди работают героически! Ставим жилые будки прямо на трассе, экономится время на дороге.

– Давай, Литвиненко, жми!

Литвиненко жал. Иногда ему со злорадством хотелось увидеть лицо начальственного абонента при известии, что путь протянулся уже на семнадцатый километр.

В неделю раз он не выдерживал и на газике мотался в Белоборск. Оттуда регулярно высылались поисковые экспедиции – и, проплутав в чаще, приплетались ни с чем. Самое поразительное, что (по донесению информатора) орлы Прокопенюка не единожды хаживали напрямки в Белоборск за водкой – и добывали! Но прижать их с поличным не удавалось, а припертые в угол они все отрицали всё категорически!..

Уже ложились белые снега, уже в две смены вкалывали на узкоколейке снятые с кварталов бригады, уже... кошмар.

Ах, самолет бы ему, вертолетик бы, дирижабль – хоть на день, на один часочек: взмыть над землей, окинуть с высоты, увидеть, понять. Не было вертолетов: ни геологов на связи, ни военных под боком, хоть ты тресни.

Однажды, когда по его приказу была объявлена летная погода, – хоть в пару недель раз должен прилетать борт, иначе неправдоподобно, и так-то дико, что обратных пассажиров нет! – он пытался воздействовать на командира экипажа. Командир мямлил, что плоховато знает своих людей, штурман новый... лимит горючего, полетный лист, права не имеют... Кого колышет чужое горе. Плевать ему было на узкоколейку. Таких благ, чтоб его соблазнить, у Литвиненко не оказалось.

– Тысяча рублей! – грубо предложил он.

Летчик понял, что тут пахнет чем-то нехорошим, опасным, возможно даже угоном самолета и побегом преступной группы, и отказался наотрез.

Если раньше Литвиненко испытывал чувство нереальности, то теперь постепенно у него, как и у всех, нескончаемость дороги стала какой-то привычной, как часть пейзажа или особенность климата. Ну, раньше валили лес – теперь строили дорогу: в принципе-то ничего не изменилось. Так же выполняли план, закрывали наряды, получали зарплату, лаялись на планерах...

Сверху давили:

– Больше!

– Быстрее!

– ...дешевле!

– ...экономичнее!

По дорожному строительству они прочно держали первое место по отрасли, их стали отмечать в сводках и докладах.

Главным лицом в поселке сделался Прокопенюк. Прокопенюк больше всех зарабатывал. Прокопенюк мог выгнать с объекта, а мог принять, объявив ценным специалистом. Прокопенюк мог расценить работу так, а мог эдак. А главное – Прокопенюк стянул все вожжи в свои руки – выглядел необходимым, незаменимым.

В проблесках Литвиненко сознавал, что гибнет, но пути назад не было. Телефон зудил, телефон терзал его:

– Темпов не снижать!

– Почему не растет прирост производительности!

– Усилий не ослаблять!

К торжественной дате грянула новая напасть:

– Пришла разнарядка на правительственные награды. Вам решено выделить орден Красного Знамени. Представь кандидата. Записывай данные: пол – мужской, партийность – партийный, возрастная группа – от сорока до пятидесяти, национальность – интернациональная, не русский, но и не местный, не коми, а представитель братского народа... но – братского, ты понял? Так; образование – среднее, социальная принадлежность – рабочий. Повтори!

Прокопенюк укладывался в эти данные, как бильярдный шар в лузу: Литвиненко лишь фамилию и место рождения проставил.

– У вас там что, сплошные метели нынче? Ничего, прилетим: жди гостей! Кстати, чтоб пустил рабочий поезд из этого... как? Белоборска. У нас республиканская телехроника заказана. Так что – готовься показать товар лицом!

– Есть! – мертвым голосом ответил Литвиненко.

Считая дни, перешли на круглосуточный трехсменный график. Усы снимали уже не только с выбранных кварталов – с рабочих, подряд. Да там все равно уже никто не работал: вальщики стояли вдоль новой трассы, удаляющейся в дальнюю даль...

В полном составе леспромхоз лихорадочно вел дорогу.

Добыча леса происходила только в документах, и в многочисленных и противоречивых документах этих все было в исключительном порядке: контора функционировала отменно, ей без разницы было, какой лес считать – реальный или воображаемый: четыре действия арифметики соблюдались неукоснительно.

Бессонной ночью у Литвиненко родился очередной гениальный план. На восьмом километре надо вырыть реку. Ну, не реку длинный и узкий пруд, загибающийся влево-вправо в тайгу, чтоб не видно было. Через него – мост.

Воду привезти в цистернах. Дома построить, или даже – разобрать и перевезти белоборские строения. Жителей переселить. И дело с концом!

Он звонком поднял с постели экономиста и приказал обсчитать проект. Экономист посмотрел на него с ужасом и пошел домой считать.

Утром Литвиненко пригласили в больницу. Главврач, по специальности гинеколог, а по совместительству также травматолог и невропатолог, завел туманную беседу о числах месяца, возрасте и прошедших событиях.

– Я не сумасшедший, – ответил Литвиненко проникательно. – Просто я работаю в экстремальных условиях, доктор. А вот с экономистом я бы на вашем месте разобрался, уложил на обследование: в своем он уме или рехнулся, принимая во внимание все обстоятельства, стучать на начальство?.. Да я его живьем сожру!!!

Главврач с кряхтением признал здравость суждений пациента и прописал пить элениум, выцыганив заодно полтонны бензина для санитарной машины и тридцать рулонов рубероида для ремонта крыши этой развалюхи, больницы его вшивой.

Литвиненко перекрестился и стал готовиться к встрече.

Сколько веревочке ни виться, а гром грянет.

Торжественная и ответственная комиссия вылезла из самолета, неся зачехленное переходящее знамя. Следом вывалились телевизионщики, нацеливая свою аппаратуру. Попросили комиссию вернуться в самолет и сойти по трапу еще раз. Попросили летчиков взлететь и сесть еще раз. Летчики отказались.

Литвиненко оттрапоровал, по укоренившейся привычке вздев ладонь к шапке. Оркестр оторвал звенящий ликующий туш. Нарядный Прокопенюк тянулся перед строем своей бригады, всосавшей все явные и скрытые трудовые ресурсы леспромхоза.

Знамя расчехлили и вручили.

Прокопенюка наградили, обняли, облобызали и поздравили.

Потом Литвиненко тоже наградили, обняли, облобызали и поздравили.

Произнесли поощрительную речь и две ответных.

Оркестр сыграл «Славься» и «Марш энтузиастов», музыканты вытряхнули из мундштуков слюну на блестящий под солнцем снег.

Прокопенюк, не застегивая пальто, поминутно трогал на лацкане новый, как игрушечный, орден.

Телевизионщики заставили молдаванина Жору раздеться до пояса и обтираться снегом, при этом улыбаясь: «У вас киноголичные зубы».

Литвиненко верноподданнически тарашил глаза, помня лишь одно: не пустить комиссию выбраться из поселка, не пустить, не пустить!!

Операция развернулась.

– А теперь пожалуйста отведайте наших хлеба-соли! – сказала секретарша Любочка в национальном костюме неизвестного народа, улыбаясь лстыиво и протягивая на рушнике, специально вышитом женой Литвиненко, румяный каравай, специально выпеченный Данилычем: старый армейский пекарь Данилыч тренировался неделю и извел полтора мешка канадской

муки без примесей, пока добился результата. В каравай была всунута деревянная в резных узорах солонка, оставшаяся Егору Карманову от бабки и временно реквизированная.

Начальство общипало каравай, демократично пожевало хлеб-соль.

Превзошедший крутую службу Литвиненко задирижировал, чутко играя на психике гостей.

– А сейчас – просим – дорогих гостей – пройти к поезду! – продекламировал он. – Поедем – на открытие – нашей новой – трассы! – взмахнул рукой, как конферансье перед распахивающимся занавесом. Прокопенюковцы зааплодировали.

– Ур-ра!!

Начальство чуть растерялось под таким напором, снимающим предусмотренную программу. Темп был навязан. Разобравшись в колонну по старшинству, послушно потянулись с маленькой приаэродромной площади по сплошной ковровой дорожке. Дорожку эту в количестве пяти рулонов завезли некогда в орсовский магазин, и вот годы спустя все куски вновь собрались воедино, тщательно подобранные друг к другу по степени истоптанности и сшитые.

По центральной улице нарядная воспитательница конвоировала нарядных детишек.

– Скажите дядям хором: здравствуйте! – прошептала она.

– Здра-ствуй-те! – отрепетированно грянули юные граждане.

Начальству следовало отечески умилиться. В отеческом умилении неловко было бы игнорировать милый призыв заглянуть в наш садик. Садик был надраен до состояния идеальной казармы. Веяло распысканным одеколоном и гастрономическими изысками.

– А это наша кустовая больница. Как только закончим дорогу – закладываем новый корпус!

– Смета уже есть?

– А как же. Причем очень экономичная.

На белом крыльце встречал белый главврач в белой шапочке, белом халате, белых шароварах и белых тапочках. Сестры тянулись по ранжиру. Свежая краска липла к подошвам. Больные выглядели самыми здоровыми больными в мире. Они и были здоровыми: больных на этот день спихали с глаз подальше в инфекционное отделение.

Вся жизнь большинства поселков сконцентрирована на центральной улице. В зависимости от величины поселка растет обычно не количество улиц, а длина одной – центральной. На этом и основывался план. К середине улицы делегаты, люди хоть и тренированные, изрядно притомились, да и время обеда пришло.

За обедом же, сервированным в отскобленной до глянца столовой, ввек столовая такого обеда не видела и впредь не увидит, гостей опекали индивидуально, умело, споро, – со всеми вытекающими отсюда последствиями, и текли те последствия щедрой рекой. После первых тостов добавили водочку особую, усиленную питьевым спиртом, замороженную до полной потери вкуса и запаха, один смак в ней остался да тайный градус, и летела она, как говорится, птицей – под рыжики соленые, медвежатнику копченую с черемшой, лосиный окорок с клюквой моченой, карбонат шкворчащий из дикой кабанятинки, филе глухарей тушеное (не вовсе еще оскудела тайга, найдутся деликатесы для нужного случая!), зайчатинку под соусом, рябчиков и куропаток, нежно хрустящих, в топленом масле, беломысую рыбку чир малосольную, тающую, – и не хочешь, а выпьешь и закусишь, и повторишь. Из-за стола гостей разносили по спальням.

Короче, наутро улетать, а тут дай бог опохмелиться и выжить.

Опохмелились; выжили. Подсустились. Телевизионщики были старые волки, из тех, что снимут хоть Ниагарский водопад в кухонной раковине: без материала возвращаться не приехали.

Запив шампанским соду и анальгин, давая икоту и отрыжку, заползли в праздничный поезд, два вагончика при мотовозе, украшенных транспарантами и сосновыми лапами: тронулись. (Машинисту наказано было везти плавно!)...

Церемонию качественно отсняли на разъезде у пятого километра. Там уже ждал рабочий поезд, также украшенный.

Вид первый: приближающийся поезд, счастливые рабочие машут с подножек, с площадки локомотива. Вид второй: ответственные товарищи с достойной радостью выходят из вагона. Вид третий – братание: объятия и поздравления.

Вид четвертый: как бы летучий митинг. Вид пятый: перерезание ленточки, запасливо прихваченной с собой. И вид последний: удаляющийся поезд.

– Стоп! Отлично! Всем спасибо. А теперь, товарищи – кто-нибудь не мог бы спилить дерево, побольше такое, чтоб оно упало?

Сняли падающее дерево.

– И хорошо бы укладку последнего звена, смычку.

В минуту разболтали, расшили пару рельсов, оттащили, подтащили...

– Что, руками? А крана нет?..

– Какой же кран, это узкоколейка, сто тридцать килограммов весь рельс... – посмеялись.

Из справедливости надо заметить, что съемка абсолютно ничем не отличалась бы от той, которая изображала бы всамделишное явление поезда из Белоборска. Да и от тысяч других нормальных хроник.

На аэродроме винты взмели снег – «Барин сел в карету и уехал в Питер».

Такое дело хорошенько обмыли, допили-доели угощение, погуляли – чтоб было что вспомнить; разобрали дорожку на коврики, вселили больных на место; обсудили, успокоились, зажили.

Надо было жить и работать дальше.

Перевыполняли план, брали обязательства, закрывали наряды, составляли сводки, подписывали отчеты, получали премии.

Дорога исподволь стала предметом гордости. Таких больше нигде не было. Втянулись; полюбили.

В перспективе прикидывали мысль класть ее в две колеи: прогресс.

Начальство следило за успехами, координировало действия, подстегивало, поощряло.

Установившееся неодолимое внутреннее влечение тянуло Литвиненко еще и еще раз взглянуть на трассу, пожать родственные руки работягам, втянуть мерзлый железный запах ломов и рельс. Выезжал с волнением, с томительной отрадой отзывалось тело подрагиванию колес на стыках, до боли вглядывались глаза в знакомый наизусть, до мельчайшей приметы, единственный и родной пейзаж. В чертову дикую даль летела дорога, прямая, как выстрел, натянутая, как нерв, стремительная и бесконечная, как звездный луч, стальным штыковым блеском прорезая заснеженную тайгу, замерзшие болота, застланные пади, над которыми кривым огнистым ятаганом стояла комета и переливалось апокалиптическими сполохами великое северное сияние.

Впрочем, днем было светло.

Правила всемогущества

«Что бы я сделал, если бы все мог».

– А вы?

Мефистофель с хрустом вернул точку:

– А я могу больше: одарить этим вас. – Он отер мел и обернулся к ученикам: – Соблазняет? Прошу дерзать!..

Тема была дана.

Здесь надо пояснить, что Мефистофеля вообще звали Петром Мефодиевичем. Или Петра Мефодиевича звали Мефистофелем? как правильно? Велик и могуч русский язык; не всегда и сообразишь, что в нем к чему. Валерьянка вот не всегда соображал, и скорбные последствия... простите, не Валерьянка, а Вагнер Валериан. «Школьные годы чудесные» для слабых и тихих ох не безбедны, а еще дразнить – за какие ж грехи невинному человеку десять лет такой каторги.

Но – о Петре Мефодиевиче: он здесь главный – он директор средней школы № 3 г. Могилева. А по специальности – физик. Но любит замещать по чужим предметам.

Прозвище ему, как костюм по мерке: черен, тощ, нос орлом, лицо лезвием – и борода: типичный этот... чертик с трубки «Ява». Но это бы ерунда: он все знает и все может. Поколения множили легенду: как он выкинул с вечера трех хулиганов из Луполова; как на картошке лично выполнил три нормы; как по-английски разговаривал с иностранной делегацией; а некогда на Байконуре доказал свою правоту самому Королеву и уволился, не уступив крутизной характера.

Петр Мефодиевич непредсказуем в действиях и нестандартен в результатах. Когда Ленка Мацилевич нахамил химозе, Петр Мефодиевич сделал ему подарок – книгу о хорошем тоне, приказав ежедневно после уроков сдавать страницу. К весне измученный, смирившийся Мацыль взмолил, что жизнь среди невежд губительна, а станет он метрдотелем в московском ресторане.

После его урока географии Мишку Романова вынули в порту из мешка с мукой: он бежал в Австралию. Замещал историчку – и Валерьянка всю ночь рубился с римскими легионами; проснулся изнеможенный – и с шишкой на голове!

На Морозова только полыхнул угольными глазами, и Мороз зачарованно выложил помрачающие ум карты; он клялся, что действовал под гипнозом, оправдываясь дырой на том самом кармане, прожженной испепеляющим взором Петра Мефодиевича.

А однажды у стола выронил фотографию, а Геньчик Богданов подал: так Геньчик уверял, что на фотке молодой Петр Мефодиевич в форме офицера-десантника и с медалью.

Вследствие вышеизложенного Петр Мефодиевич титуловался заслуженным работником просвещения и писал кандидатскую по педагогике с социологическим уклоном; ныне модно. И ему необходимо набирать материал и личные контакты по статистике. (Опять я, кажется, неправильно выражаюсь.)

Теперь понятно, почему Мефисто... простите, Петр Мефодиевич обломал кайф классу, праздновавшему болезнь русачки срывом с пятого-шестого сдвоенных русск. яз-а и лит-ры. Петр Мефодиевич нагрязнул лично, пресек жажду свободы и дал взамен свободу воображаемую в рамках педагогики: ход, высеченный мелом на влажном коричневом линолеуме доски.

– Почему нерешительность? М? Чего боимся? – подтолкнул Петр Мефодиевич.

Класс вперился в доску. Сочинение на свободную тему: искус и подвох... Школа – она приучит соображать, прежде чем раскрывать рот, будьте спокойны. С этой задачей она справляется неплохо. Некоторые так вышколены, что потом всю жизнь... но мы отвлекаемся.

«Что сделал, если б все мог», – хо-хо! Эх-хе-хе... Так им все и скажи: нашел дурных. А потом кому диссертация, а кому колония для малолетних? Класс поджался и замкнул души.

– Писать донос на себя самого? вот спасибо, – суммировал общественное подозрение скептик Гарявин. – Милые идеи у вас, Петр Мефодиевич.

«Я еще мал для душевного стриптиза», – пробурчал коротышка Мороз. А Олежка Шпаков успокоительно поведаль:

– Я, если б мог, вообще бы ничего не делал.

Свалившаяся вседозволенность озадачивала неясностью цели: одно – стать отличником, чтоб они все отцепились, а другое – превратить недостатки настоящего в цветущее будущее.

– Тяжкая стезя? – ехидно посочувствовал Петр Мефодиевич. – Морально не готовы? Или – не хочется?..

– Все – это сколько? В каких пределах? – осведомился вдумчивый Валерьянка, Вагнер Валериан, и показал руками, как рыбак сорвавшуюся рыбу: широко, еще шире, и вот рук уже не хватает.

– Все – это все, – кратко разъяснил Петр Мефодиевич, взмахнув рукой вкруговую. – Ни-ка-ких ограничений. – Он гордо выпрямился: – Я освобождаю вас от химеры, именуемой невозможностью.

Освобожденный от химеры класс забродил, как закваска.

– Напишем чего думаем, а потом ваша наука не туда пойдет, – посочувствовала пышка-Смелякова.

– А отметки ставить будете?..

– А без этого нельзя, – соболезнующе сказал Петр Мефодиевич.

– Э-э... – укорил Курочков, прославленный изобретатель самопадающих в двери устройств. – Удобная позиция: не ограничивать нас ни в чем, чтоб мы себя сами ограничивали во всем.

– Отметки пойдут не в журнал, а в мою личную тетрадку, – обнадежил Петр Мефодиевич, улыбаясь провокаторски.

– Час от часу не легче, – отозвался из-за спин спортсмен Гордеев.

– А фамилий можете вообще не ставить, – последовал сюрприз. – Это для меня роли не играет...

О?! Класс взревел, словно у него отлетел глушитель. Отчетливо запахло счастьем, свободой; возмездием.

А Петр Мефодиевич, погружаясь в огромную черную книгу с иностранным названием и физическими формулами на обложке, подтолкнул:

– Вы всемогущи! То, о чем всегда мечтали люди – дано вам!

Дотошный Валерьянка снова потянул руку:

– А это всемогущество – предоставляется нам всем? Или как будто мне одному?

– Только тебе, одному на свете за всю историю. Решайся! – второй такой возможности не представится никогда.

А не писать можно, опасливо хотел спросить Валерьянка... но жалко упускать такую возможность... И только поинтересовался:

– А – как же все? Остальные?

– Этого вопроса не существует, – отмел Петр Мефодиевич. – Нет остальных, – вскричал он. – Есть только ты, всемогущий, который сам все делает и сам за все отвечает.

Он потряс черной книжкой, извил пасс худыми руками, кольнул бородкой. «Гипнотизирует», – суеверно подумал Валерьянка и успел сравнить угольные глаза с пылесосом, всасывающим его.

И неожиданно улыбнулся, принимая условия игры – как бы открывая их в себе: да, он всемогущ. Он: один. Здесь и сейчас.

И очень просто.

Он покачнулся и сел.

И посмотрел на белый прямоугольник – раскрытый лист...

Лист был чист и бел. И в то же время неким внутренним зрением он словно провидел на нем абсолютно все. Ему оставалось только сделать это. В смысле написать. В смысле – это означало одно и то же.

1). Начнем с яйца (вареного или жареного?): прежде всего Валерьянка элементарно хотел есть. Последние уроки, вот и подсасывало. Аж желудок скрипел, как ботинок (кстати, их тоже ели, только варить долго).

На обед предполагались котлеты с картошкой и борщ, но тут уж Валерьянка щадить себя не стал. Он угостился шоколадным тортом и закусил его ананасом (интересно, каковы на вкус эти ананасы?). Желудок застонал в экстазе, и голодный чародей охладил его дрожь двумя порциями пломбира. Какое легкомыслие – две! Двенадцать! А если бефстроганов смешать с вишнями и залить какао, что выйдет? – блюдо богов! Жаль, что их нет и они этого не знают.

Нет грез слаще, чем гастрономические грезы голодающего. Как говорится, жизнь крепко меня ударила, но сейчас я ударю по жратве еще крепче. Валерьянка зарылся в яства, как роторный канавокопатель: он давал сеанс одновременной жратвы.

Черствая жизнь обернулась своей съедобной стороной. Вместо супов и каш были семечки. В полях самовыкапывался картофель фри в масле, а на лугах паслись бифштексы. Конфетные города шумели лимонадными фонтанами. С домов отваливались балконы из пирогов, водопровод плевался компотом, а в унитазе... э, стоп, это чересчур.

В газетных киосках давали варенье. Школьный буфет награждал пирожным в компенсацию за каждый отсиженный срок урока. Арбузы и персики катились по улицам, тормозя перед светофорами. Мармеладный милиционер в шоколадной будке махал копченой колбасой.

– Дорогу жиртресту! – скомандовал милиционер, и Валерьянка обмер и провалился. Верно – он стал «плечист в животе»: он был просто приделан к этому дирижаблю, а где застегивались брюки, торчало опорное колесико, как у самолета. Где-то внизу переступали, с натугой толкая вес, нечищенные (не достать!) ботинки... Правда, мороженое вызвало хроническую ангину, избавившую от школы, но не такой же ценой... а если вместо этого гланды вырежут?..

Его дразнили на улице и лупили во дворе. Спасибо вам за такие возможности!

2). Прожорливый волшебник закручинился. Мочь все – занятие не для слабых: шагнул шаг – и последствий не оберешься...

Скажем, еда: возьмется ниоткуда – или все же откуда-то? Если да – то откуда? А вдруг там после этого голодают? и ОБХСС ищет... Тень тюремной решетки пала на веер кошмарных картин:

Арбузная бахча укатилась на север, и сторож продает свое имущество – шалаш, берданку и пугало, покрывая убытки. Продукция кондитерской фабрики испарилась в неизвестном направлении, но клятвам директора вторит саркастический смех прокурора. Магазин пуст, и денег в кассе, естественно, не прибавилось: ревизия вызывает конвой.

Ничего себе закусили. Теперь требуется какое-то сверхмогущество, чтобы вызволить невинных из скверных ситуаций...

Может, лучше всем за все платить? Но тогда – кому, сколько, а главное – чем?.. на такую диету мама с папойотреагируют касторкой и клизмой в лучшем случае, но не карманными деньгами – на его аппетит их зарплат не хватит.

Еда должна браться ниоткуда – это решит массу трудностей. Порядок возможен при одном условии: чтобы все делалось из ничего.

А есть явно или тайно? Тайно – нехорошо, явно – еще хуже: могут занести в Красную книгу и в зоопарк, как достопримечательность.

Ясно одно: толстеть отменяется. Проблему питания лучше всего решить таким образом, чтобы вообще не есть, но всегда быть сытым. А на фи́га такое всемогущество, если даже не поест толком?..

А если потечет пироговая крыша? Вода-то ладно, подставил таз и порядок, а варенье потечет? Это замучишься потолок облизывать.

Благое предприятие рушилось девятым валом проблем. Всемогущество требовало продуманности и организации. И оно было организовано: Валерьянка придумал

Первое правило всемогущества

Что бы ни делалось – это хорошо, и ничего плохого не будет.

И, упорядочив этим всеобщий хаос, переключился на следующую страницу славных деяний, где

3). в подъезде его по обычаю приветствовал падла Колька Сдори́ков из 88 квартиры: в зад пинок, в лоб щелбан: «Привет, Валидол!».

Пусть победит достойный (хоть раз в жизни)! Изящная поза, легкое движение, и – поет победная труба, воеет «скорая», спешат санитары, связку гипсовых чурок задвигают в машину: поправляйся, Коля, уроки я тебе буду носить.

– Всех не перебьешь! – доносится мстительно из-под гипса.

– Перебью, – холодно парирует Валерьянка. – Рубите мебель на гробы.

Вендетта раскручивается, как гремучая змея: в карательную экспедицию выходят, загребая пыль, дворовые террористы – жать из Валерьянки масло, искать ему пятый угол, снимать портфель с проводов. Трепещет двор и жаждет зрелищ: балконы усеяны, как в Колизее (девочки опускают большой палец: не щадить!).

– Открываем долгожданный субботник по искоренению хулиганства, – возвещает Валерьянка. – Концерт по заявкам жертв проходит под девизом «За одного битого двух небитых бьют». Соло на костях врагов!

Страшный восьмиклассник Никита-башня рушится, как небоскреб (длинного бить интереснее – он дольше падает). Похабщик Шурка висит на дереве: во фрукт поспел, пора и падать. Дурной Рог перепахивает клумбу: жуткая рожа среди цветов. А обзывала-Чеснок влетел в песочницу, одни ноги дрыгаются (и те кривые).

С балконов летят цветы и рукоплескания: «Свободу храброму Спарт... тьфу, – Валерьянке! Освободить его от физкультуры до конца школы!»

Поигрывая сталью мускулов, Валерьянка превращает поверженных в тимуровскую команду и гонит носить воду бабуле Никодимовой. (А на черта ей вода, у нее ж водопровод?.. Его прорвало! Чем меньше удобств, тем больше можно заботиться о человеке.) И под гром оваций...

4). Ага: вот заявятся родители этих битых обалдуев – будет гром оваций...

Толпа ярилась в прихожей, разрывая рубахи и тряся кулаками в жажде крови. А впереди сурово качал гербовой фуражкой участковый, предлагая пройти в милицию – и далее, лет на... сколько влепят?..

Что бы ни сделал – одновременно получается и противоположное... Отпадет всякая охота действовать, если в итоге неприятности вечно забивают удовольствие. Нет худа без добра – а вот есть ли добро без худа?.. Тоже нет?..

Да где же справедливость?! Сейчас будет. И Валерьянка ввел

Второе правило всемогущества

Что бы ни делалось – справедливость ненаказуема.

Но один считает справедливым одно, другой – другое... туманная вещь эта справедливость: рехнешься мозги ломать в каждом отдельном случае. Помногу думать над всем – вообще ничего сделать невозможно, разозлился он. И в окончательной, исправленной и дополненной редакции

Второе правило всемогущества

звучало так:

Что бы ни делалось – все довольны.

Это означало то же самое, но было гораздо проще и удобнее.

О! Сияющие родители в очередь жали ему руку, благодаря за чудесное перевоспитание их бандитов. «У вас огромные педагогические способности», – позавидовал доцент пединститута Малинович. Участковый отдал честь и пригласил возглавить детскую комнату милиции: «Только вы в состоянии исправить современную молодежь». А тренер Лепендин из 25 дома восхитился: «Бойцовский характер! Вы – феномен атлетики! Бокс по тебе плачет: жду завтра на тренировку».

5). В зале Валерьянка сделал заявление – исключительно в целях славы спорта – о включении его в сборную Союза. Тренер имел предложить сборную по нахальству и украситься скромностью. Непонятливый (по голове, видать, много били).

Валерьянка украсился скромностью и на построении нокаутировал неверующую секцию одним боковым ударом. Шеренга сложилась, как веер, и хлопнулась со стуком, как кегли. В заключение тренировки он нокаутировал тренера, что было квалифицировано как действие, заслуживающее минимум звания мастера спорта.

...На чемпионате мира сборная была представлена во всех одиннадцати весовых категориях одним человеком (так зато это ж был человек!). Что позволило значительно сократить расходы на содержание команды и тренеров. Экономилось и время: бои кончались досрочно – на тринадцатой секунде: две тратились на сближение с противником, одна на удар, и десять – счет рефери над поверженным.

– Чего считать: снимай шкуру, пока теплый, – добродушно шутил чемпион; публика восхищалась его обаятельным остроумием. Восторженным репортерам Валерьянка охотно открыл свой спортивный секрет победы:

– Я бью только два раза: второй – по крышке гроба.

Сэкономленное в боях время он уделял пропаганде спорта:

– Было бы здоровье, – говорил он, – а остальное купим. Сила есть – ум найдут. Плюс утренняя зарядка!

Триумф был заслуженный и сокрушительный. Фотография: Валерьянка на пьедестале весь в лентах и венках, как юбилейный монумент – сияла со всех изданий от «Пионерской правды» до «Курьера ЮНЕСКО». Одиннадцать золотых медалей положили начало музею наград, в который ЖЭК переоборудовал его комнату.

По утрам подъезжал грузовик с цветами, кубками и вымпелами. Сантехник Вася сидел у дверей и выдавал посетителям тапочки, а физрук Пал Иванович проводил экскурсии, рассказывая о школьных годах героя и первых успехах, бессовестно приписывая их себе (или наоборот – каясь в близорукости: эх, не сумел разглядеть...).

Председатель спорткомитета отдавал Валерьянке рапорт и благодарил за облегчение и образцовую организацию работы: весь спорткомитет руководил теперь одним человеком – им; а он неизменно оправдывал, поддерживал, защищал, не срамил, умножал, поднимал и радовал, побеждая всех, везде и во всем, на воде, в небесах и на суше.

Он вывел в чемпионы мира футболистов, уронил в воду судей результатами плавания, сломал штангу взятием веса и метнул молот из Лужников на стадион Кирова. Он обыграл Карпова, дав ему ферзя форы; Карпов похудел на десять кило.

Большой спорт превратился в физкультуру, потому что смысл рекордов исчез: все они принадлежали Валерьянке. Бывшие чемпионы вытерли слезы спортивной злости и возглавили группы здоровья. Самые отчаянные и честолобивые смотрели кино, анализируя его приемы и оспаривая вторые места.

Международная федерация присвоила ему почетное звание супермастера по всеборью, а в награду остальным отлила его золотую статуэтку с крылышками и надписью: «Валерьянка – бог победы».

Уфф!..

6). Зинка, по глупости родителей – старшая сестра, а по нудной натуре – придира, отреагировала на это так (завидует):

– Вырос-таки спортсменом. Лоботряс. Предупреждала я. У тебя ум в пятках, а образование в кулаках. Не стыдно, неуч?..

– Балеты долго я терпел, – сказал Валерьянка и превратил ее в кобру, предусмотрительно лишенную ядовитых зубов. Кобра в отчаянии раскачивалась над задачником по алгебре, не имея рук записать решение. В крохотном мозгу с трудом умещалась лишь та мысль, что один плюс один – это много; иногда даже слишком. На капюшоне у кобры блестели очки во французской пятидесятирублевой оправе – Зинкина гордость. Пока кобра пыталась сквозь эти очки учить «Луч света в темном царстве», Валерьянка развратил ее обратно, а сам – познал все и стал президентом Академии наук. Был большой академический праздник. Академики от радости прямо давились друг на друга, поздравляя его. Премия за открытие всего он отдал на... на что лучше?.. на то, что государству нужнее, оно само определит. (Личный автомобиль – инвалиду Яну Лукичу, шофера – на стройку кирпичи возить.)

– Пора нам изобрести все и оторваться от всех еще дальше, – напомнил Валерьянка во вступительной речи.

– Пора, – обрадовались старенькие академики, не чаявшие дожить до полного торжества науки над природой.

– Неучи, – укорил Валерьянка, качая головой размер 65. – У вас ум в пятках, а образование в кулаках!

Пристыженные академики покраснели. Самые сознательные сложили с себя звание и пошли работать в школу. Даже почин такой объявили: «Узнал сам – научи других!».

Валерьянка подарил Академии стадион для бега трусцой и диетическую столовую, а саму Академию упразднил за ненадобностью. Чего надо – он сам откроет. Они же все такие старенькие – просто зверство гонять их на работу: куда смотрит общественность?.. Пусть отдохнут на заслуженной пенсии. Как поется, старикам везде у нас почет. Все равно они уже плохо соображают.

Хотя у академиков, наверно, мозги устроены иначе, чем у других: чем старше, тем умней? Тогда Валерьянка вывел на Кавказе вид академиков-долгожителей, а самого старшего, двухсотлетнего, назначил своим вице-президентом.

– В каком фраке вы полетите на конгресс в Париж, коллега? – осведомился вице-президент. – Вам пойдет алое с золотом.

7). Путь славы уперся в благосостояние. Ум умом, а пожить хочется.

По городу Валерьянка раскатывал в белом мерседесе, а на природе – в желтом лендровере. Он облачился в белые кроссовки, синие джинсы, клетчатую сорочку, алый пуссер и черный вельветовый пиджак. На руке тикали и звонили часы «Ролекс», палец охватывал золотой перстень с печаткой, а на груди блестел орден. Он невзятяжку курил сигареты «Ява-100» и жевал земляничную резинку. Он поражал взор и слепил воображение.

Фарцовщики льстиво здоровались, а прохожие рыдали от зависти. Они б еще не так зарыдали, если б знали, что джинсов у него целый чемодан, а кроссовок три пары.

Видеомагнитофон услаждал его «Белым солнцем пустыни», стереомаг гремел «Машину времени», а с проигрывателя забрасывала юного набоба миллионом алых роз Алла Пугачева.

– Мой сын – барахольщик, – презрительно отвернулся папа. – Оброс рухлядью, жалкий потребитель – в доме шагу ступить негде!

Сами обростете – другое запоете! Валерьянка подарил родителям четырехкомнатную квартиру – чтоб они не возникали. Начальник чего-то главного перерезал ленточку в подъезде. Сборная штангистов затащила новую мебель. Сводный оркестр вышиб из труб «Взвейтесь кострами». Родители просили у крутого сына прощения и разных хороших вещей.

8). И вот тогда – к нему робко приблизилась Люба Рогольская... Она потеряла передник, в раскаянии заплакала и прошептала:

– Прости меня, Валерьян, что я не пошла с тобой на каток... Меня родители не пустили...

Валерьянка знал, что она врет, но простил. Благородства в нем было еще больше, чем ума.

Они посетили каток, кино, цирк и буфет, а потом... все так делают... может, не надо?... Валерьянка покраснел, оглянулся и женился.

Свадьбы, конечно, не было – чувствам реклама противопоказана: задразнили бы на фиг. Идиоты. В гробу он их всех видал.

(Траурная вереница влачилась по проспекту. Рупора рвали рокот из «Последнего дюйма»: «Какое мне дело до вас до всех, а вам до меня». На балконе стоял Валерьянка – весь в белом: и показывал гробам фигу.) (Но он не зверь же был: назавтра всех оживил. Пусть живут и помнят. Рыцари еще есть, просто возможностей у них нет.)

Любовь пропела свою журавлиную (соловьиную? лебединую? жавороночью? а от птицы горлицы как будет прилагательное?) песнь: они жили счастливо – выходили из подъезда вместе, при всех держась за руки. А дома имели супружеское счастье целоваться. Без света тоже. Летом ходили в походы и купались в речке, а на обед Люба варила компот и пекла пирожки. Все остальное время она слушала, что он ей рассказывает, и ждала его с чемпионатов и конгрессов: она оказалась идеальной женой.

(Все это здорово, – но что же дальше с ней делать?..)

9). Как, однако, быстро разнообразие семейной жизни исчерпывается до однообразия. А настоящему мужчине хочется решительно всего – испытать, совершить, попробовать: какая к чертям семья, пожил и хватит, – дел невпроворот! время летит!..

Чтоб успешней выполнить все намеченное, Валерьянка раздвоился: один открывал звезды, другой валил лес. Мало! И он размножился до полного покрытия потребностей:

Он варил сталь и суп, рыл каналы и золото, сеял пшеницу и добро, разведывал нефть и вражеские секреты, сдавал кровь и рапорты, спускался в шахты и поднимался до мировых проблем; он успевал везде и делал все.

Деятельность завершилась космосом. Пульс был отличный, и особенно аппетит. Все бортовые системы функционировали лучше нормального. Он проявил отъявленное мужество в критических ситуациях, предусмотренных заранее, а годовую программу выполнил полностью за неделю: в невесомости-то легко, не устанешь, это не металлолом таскать. Пролетая над всеми, он наблюдал их в подзорную трубу: поприветствовал всех, кого надо приветствовать, и послал им в поддержку свой привет. А кому надо – тем он прямо сказал что надо сверху. Без

дипломатии. Не стеснясь. На агрессоров он плевал из открытого космоса. На каждого лично. На главных – по два раза. А на базы еще не то, эти поджигатели потом замучились дезинфекцию проводить.

Один из... них? (или надо сказать – один из его?) забил блатное место: служил моделью для фото-, теле- и кинорепортеров, избавленных от метаний по миру: снимай себе спокойно всю жизнь его одного, и подписывай что хочешь. Благодарные за такой технический переворот в репортерстве, фотошники провозгласили своего кормильца лучшей моделью столетия и мистером Солнечная система. (Если на других планетах и обнаружат марсианина, вряд ли он окажется красавцем.)

10). Мистер Система выглядел всем мистерам мистер. Так что девочки краснели, а мужчины бледнели, и и те и другие предлагали дружить, – понимая под дружбой вещи несколько разные, но безусловно приятные.

Валерьянка перевел классические ковбойские шесть футов два дюйма в метрические меры и получил сто восемьдесят восемь: отличный рост, и на кровати помещаешься. Вес его равнялся, согласно занимательной математике Перельмана, весу рослого римского легионера: восьмидесяти килограммам. Окружность бицепса – шестьдесят сантиметров, талии – пятьдесят: кинозвезды матерились, культуристы плакали.

Волосы вились черные, глаза синие, подбородок квадратный, нос перебитый. Ровные белоснежные зубы ему вставили в Голливуде. Нет, на «Мосфильме». Что у нас, своих зубов мало?

Легкая походка, тяжелый бас, мягкая улыбка, твердый характер. И все что надо тоже будь здоров.

А возраст ему пришелся, в котором Александр Македонский дрался на Ганге, а Наполеон стал первым консулом: тридцать лет.

Конечно – таким и жить можно!..

11). Расправившись с первоочередными задачами, он вдарил по культуре. Культура взлетела вверх, и больше оттуда не спускалась.

Он написал тысячу книг, и их перевели на тысячу языков. Эта сокровищница мысли и стиля венчала мировую литературу, а заодно и философию с прочей гуманитарной ерундой, для понимания которой много знать не надо.

От прозы Валерьянка перешел к поэзии, и тогда Пушкин перешел на второе место, а Евтушенко и Данте спорили за третье.

Наконец с литературой было покончено. После его гениального вклада сказать уже было нечего: прозаики создавали его биографию, а поэты ее воспевали.

Очередь в Эрмитаж, где поражали его картины, тянулась от Русского музея, где потрясали его скульптуры; нетленным шедевром высилась мраморная статуя Любы Рогольской в закрытом купальнике и с веслом. Под веслом плакал Хаммер, сидя на мешке с долларами, и пытался всучить миллион. Куда мне твои доллары? получи фотографию бесплатно.

О нем пели песни, а он сочинял симфонии, как Моцарт, и дирижировал ими, как Сальери (кажется, они дружили?). За билет на его концерт отдавали Пикуля или тонну макулатуры. Зал в экстазе скандировал: «Валерь-ян-ку!». (Походило на праздник мартовских котов или съезд сердечных больных.) «Ла Скала» вылетел в трубу и на стажировку к нам.

Он достиг всего и был похоронен на... э, стоп, давай назад. Еще есть время. Трудился-трудился – и что же? пожалуйста закапываться? дудки. Кто все может – может обождать умирать. Э?

12). Что ценно во всемогуществе – трудись сколько хочешь, отдыхай сколько влезет. Валерьянка слегка устал.

Он посетил дискотеку и карнавал в Рио-де-Жанейро, гульнул в настоящем ресторане, уволил официантов и заменил дружинниками. В весеннем лесу пил кокосовый сок и охотился

в джунглях на царей природы – браконьеров. На кинофестивалях в Каннах и Венеции запретил за безобразие «детям до шестнадцати», а главного приза удостоил «Отроков во Вселенной». Он просветил Феллини, и тот стал снимать вполне понятные подросткам фильмы. После чего сел в надувную лодку (он, а не Феллини, понятно) и отбыл в кругосветное путешествие, наказав Сенкевичу в «Клубе кинопутешествий» не переживать:

(тем более что акулы грызлись с рыбадзором в Днепре, неприхотливые верблюды ели пираний на Амазонке, а пингвины преодолевали пустыню в сумках кенгуру: географию Валерьянка смутно полагал превратившейся из науки для извозчиков в науку для дипломатов, и вместе с зоологией изучал творчески: он не ждал милостей от природы, и ей не приходилось ждать их от него).

13). Путешествие в одиночку имеет тот плюс, что о нем можно рассказывать что угодно, и тот минус, что рассказывать это некому – пока не вернешься. Валерьянка сменил лодку на пиратский бриг, здраво рассудив, что возможности к перемещению во времени и в пространстве у него совершенно равные, но первое куда легче из-за массы замечательных книг: воображаемое путешествие требует и действительности воображаемой.

Восемнадцатый век затрещал под напором жизненной активности хроникера; хрустнули и времена соседние.

Благородные индейцы во главе с Оцеолой, вождем семинолов, вышибли колонизаторов в Гренландию: не успевших смыться захватчиков пристрелил Зверобой-Соколиный глаз. Сын Чингачгука оказался далеко не последним из могикан, а переодетой дочерью, которая вышла замуж за Зверобоя, и они произвели такой демографический взрыв – заселили материк гуще японцев.

Ветер великих перемен достиг парусов капитана Блада: он сказал Арабелле, что она дура и второго такого фиг найдет, дядю-плантатора повесил, из пиратов организовал трудолюбивый коллектив, рабов объединил в республику хлопкоробов, а сам вообще плюнул на эти вшивые острова и стал королем Англии, дав Ирландии свободу, а власть народу, и, получив персональную пенсию, сделался профессором медицины.

Тем самым д'Артаньяну отпала надобность переться в Лондон, а мушкетерам проливать кровь за реакционную королеву. Атос заколол кардинала на дуэли и простил миледи, ставшую начальником разведки; д'Артаньян получил маршала в двадцать лет и женился на мадам Бонасье и Кэти сразу, чтоб никого не обидеть; Арамис додумался до атеизма и, как человек интеллигентный и со связями, был назначен министром культуры; все деньги и ордена отдал Портосу – много ли у него еще радостей в жизни; с Испанией заключили мир, испанцы тоже люди, и Сервантес посетил Париж в рамках культурной программы.

Адмирал Клуба отважных капитанов, Валерьянка направил капитанскую отвагу в русло прогресса:

Капитан Гаттерас кончил мореходку, покряхтел на экзаменах и пробился к полюсу на атомоходе «Сибирь». Капитан Грант выучил морзянку, вызвал яхту по радио, и по семейной профсоюзной путевке поплыл в Сочи: отвага отвагой, а здоровье беречь надо; не пройдешь комиссию – и визу закроют. Пятнадцатилетний капитан организовал в команде контрразведку и благодаря бдительности избежал приключений с лишениями.

А Робинзон держал в пещере вертолет, и Пятница, кончив аэроклуб, раз в год возил его домой в отпуск; а иначе это зверство.

14). Что за прекрасное поле для фантазии – история! Вот где раздолье. Валерьянка недоумевал: сколько трагических несправедливостей и прямого вздора – и как еще бедная история умудрялась двигаться куда надо... пора поспособствовать ее движению! Надо торопиться переделать историю! – времени до звонка все меньше. И:

Спартак установил в Риме народную власть, а гладиаторы стали вести секции каратэ. Кстати, о Риме. Папа Римский при всем народе сознался, что бога нет. Можно себе представить радость римлян.

Монастыри были преобразованы в гостиницы и институты. Мрачное средневековье стало светлым. Джордано Бруно сам сжег всех инквизиторов. Магеллан дружил с туземцами и стал Заслуженным путешественником Португалии. Наполеон протянул руку помощи Робеспьеру и установил мир и братство в Европе.

Вещий Олег присоединил Царьград к Руси и сделал прививку от змеиного яда. Батые от волнений хватил инфаркт, а татаро-монголы перешли к прогрессивному оседлому образу жизни на целинных и залежных землях.

Стрельцы помогали Петру чем могли. Петр жил сто лет и прорубил окна во все стороны. Крепостного права не существовало, народовольцев не вешали, декабристы победили.

История была прополота, как ухоженная грядка. Валерьянка беспощадно корчевал сорняки и закрашивал позорные пятна.

15). Прошлое стало не хуже будущего, а в настоящем наступил порядок. Все оружие было уничтожено, войны запрещены, и счастье торжествовало на всех пяти континентах. Безработица ликвидировалась заодно с самим капитализмом: капиталисты понурились в очереди на раздачу цветной капусты и кефира (полезно-то полезно, но как мерзко!).

Болезни искоренили, а кстати и докторов, – довольно этих убийц в белых халатах с их шприцами, всем и так хорошо. Население сплошь стало стройным и умным. Расовые и национальные различия исчезли (половые пока на всякий случай остались): все смуглые и высокие. Женщины в основном блондинки.

За добро платили добром, потому что зла нигде не было. Военных преступников переработали на мирные нужды, а милитаристы перевоспитались и охраняли мир. У всех все было, поэтому никто ничего не воровал, и тем не менее все работали. Не дрались, не пили, не курили, не ругались, а вали только из гуманизма.

Умерщвлять таких людей рука не поднимается, и Валерьянка даровал человечеству бессмертие. И процветание – чтоб умереть не хотелось.

16). Он растопил Антарктиду, пресек экологическую катастрофу и извлек энергию из космических лучей. Зима радовала снегом, лето – солнцем, а дожди для сельского хозяйства лили ночью.

В степях паслись мамонты и бизоны. Волки и тигры питались концентратами морской капусты. Ружье и рогатка украшали Музей пережитков прошлого.

Меж прозрачных зданий и шумящих сосен ездили велосипеды и лошади. Труд стал умственным, а все остальное – техническим. В семь часов двадцать минут все делали зарядку. А детей в семьях была куча, и растить их помогали восьмирукие хозяйственные роботы и идеальные няньки – овчарки-колли.

17). Дети мигом устроили скачки на овчарках, а за ними в панике гнались хозяйственные роботы, роняя из восьми рук кошелки и веники. Валерьянка ужаснулся своему созидательному гению:

Воды растаявшей Антарктиды захлестнули ароматные сосны и прозрачные здания. Степи и вовсе не осталось: расплодившиеся мамонты и тупые жвачные бизоны сожрали всю траву, – черные бури сметали тигров и волков, захиревших на капустной диете, как привидения. И среди всего этого кошмара полчища старцев делали утреннюю зарядку – они были бессмертны.

Валерьянка допускал отклонения от идеала: времени нет детально обдумать, какое ж дело застраховано от ошибок? – на подобные неприятности он заблаговременно заготовил

Третье правило всемогущества

Что бы ни делалось – все можно будет переделать.

Дамбы, санитарный отстрел и вечная молодость. Это нам раз плюнуть.

18). Бессмертных людей прибывало, и Земля завесилась табличкой: «Свободных мест нет». Вот и звезды пригодились. Всем взлет!

Братья по разуму выкарабкивались из «летающих тарелок», маша флагом дружбы и сотрудничества. А где вы раньше были, граждане? Теперь мы сами с усами, над вами шефство оформим.

Звездолеты бороздили обжитую Вселенную: колпаки над планетами, искусственная атмосфера, синтетика и кибернетика: счастье...

Так. А что же дальше?.. Все? Жаль... Еще оставалось время. И чистое место в тетради.

– Сашка, ты что делаешь? – прошептал он через проход.

– ДАртаньяна королем, – трудолюбиво просопел Гарявин.

Иванов играл в баскетбол за сборную мира. Лалаева уничтожала все болезни. Генка Курочков строил двигатель вечный универсальный на космическом питании. Новые идеи отсутствовали...

– Петр Мефодьч, я все, – сообщил Валерьянка. – Можно сдать?

– Как так – все? – изумился Петр Мефодиевич. – Раньше срока сдавать нельзя. Ты должен сделать все, что только можешь.

– А зачем? – скучно спросил Валерьянка. Он устал. Надоело.

– Задание такое, – веско объяснил Петр Мефодиевич.

Валерьянка вздохнул и задумался.

– А вдруг я сделаю что-то не то? – усомнился он.

– Это не мое дело, – отмежевался Петр Мефодиевич, вновь прикрываясь своей черной физикой с формулами. – Решай сам. «То», не «то»... Все – «то»! Всемогущество и безделье несовместимы. (Безделье – частный случай всемогущества.)

...И под чарующим дурманом личной безответственности – коли фамилий и отметок не будет – в Валерьянке зашевелилось искушение, выкинуло длинный хамелеоновский язык, излучило радуго... Где и когда же, если не здесь и сейчас?..

19). «Если нельзя, но очень хочется – то можно». Валерьянка казнился безнравственностью и оправдывался желанием, подозревая его у всех.

...Он правил в хрустальном дворце. Пенилось море о мраморную ступень, и шептали пальмы. Под сенью фонтанов, истому оркестра, он отведывал яств и напитков. Дворец ломился золотом, личные яхты и самолеты ждали сигнала. Толпа повиновалась движенью его бровей. Он был Султан Всего.

Султан воровато оглянулся, прикрыл тетрадь локтями и проследовал в гарем. В гареме цвели все красавицы мира, проводя время в драках за очередь на его внимание. Гарем представлял собою среднеарифметическое между спортивным лагерем «Буревестник» и римскими банями периода упадка, и упадок там был такой – кто хочешь упадет. Кинозвезды по его команде показывали такое кино, куда даже киномехаников не допускают.

Он мгновенно удовлетворял любые свои прихоти – и мгновенно удовлетворять стало нечего... Скука кралась к незадачливому султану.

– Друг мой, железный граф, – плакал он на груди Атоса. – Я чудовище. Я погряз в пороках.

– Жизнь – обман с чарующей тоскою, – вздыхал Атос. – Вы еще молоды, и ваши горестные воспоминания успеют смениться отрадными.

– Жизнь пуста, – разбито говорил Валерьянка.

– Выпейте этого превосходного испанского вина, – меланхолично предлагал Атос.

Валерьянка запивал виски ромом, купался в шампанском и сплевывал коньяком. Крутилась рулетка, трещали карты, рассыпались кости: он сорвал все банки Монте-Карло, опустошенный Лас-Вегас играл в классики и ножички. Тьфу...

20). В каждом холодильнике отогревался водочкой Дед-Мороз с подарками. Канарейки пели строевые песни с присвистом. Животные заговорили и высказали людям все, что о них думают. Обезьяны наконец-то превратились, посредством упорного труда, в людей и влились в братскую семью народов Вселенной...

Всемогущество начало тяготить, как пресловутый чемодан без ручки: тащить тяжело, бросить жалко...

Валерьянка попробовал ввести для интереса ограничения и препятствия своим возможностям, но самообман с поддавками не прошел: преодолевать искусственные трудности, созданные себе самим, – занятие для идиотов.

– Петр Мефодиевич, а отказаться от всемогущества можно?

– Нельзя.

Учитель-мучитель... Ну, чего еще не было? Пробуксовка...

На одной планете обезьяны посадили людей в зоопарк. По будильнику кровать стряхивала спящего в холодную ванну. Ветчина охотилась на мясников. Девчонки, вечно желающие быть мальчишками, стали ими – различия между мужчинами и женщинами исчезли: ну и физиономии были у некоторых, когда они обнаружили это отсутствие различий!.. Детей не будет? – зато никто не вякает, алиментов не платить, стрессов меньше; а народу и так полно.

21). Он слонялся по ночному Парижу (шпага бьет по ногам) и затевал дуэли, коротая время. Время еле ползло. Мертвый якорь. Непобедимый бретер был прикован к всемогуществу, как каторжник к ядру. Раздраженный неодолимым грузом, он трахнул этим ядром наотмашь.

«Веселый Роджер» застил солнце, и теплые моря похолодели от ужаса: пиратский флот точил клинки. Не масштаб: Валерьянка спихнул Чингиз-хана с белой кошмы и нарек Великим Каганом себя. Пылали и рушились города, выжженная пустыня ложилась за спиной.

От его имени с деревьев падали дятлы. Он ехал на вороном, как ночь, коне, – весь в черном, с золотым мечом. При виде его люди теряли сознание, имущество и жизнь. Зловещий палач следовал за ним – Тристан-Отшельник из «Собора Парижской богоматери».

Прах и пепел. Бич народов – Валерьянка, так его и прозвали.

Черный звездолет «Хана всему» вспарывал космос, и обреченно металась на своих курортных планетах бестолковые красавицы.

22). Зачем он дал себе волю?! Может, вырвать эту страницу? Но выпадет и еще одна – из другой половины тетради: слишком заметно, и бессвязно получится...

Не видно никакого смысла в его последних действиях! Хм...

– Петр Мефодиевич... в чем смысл жизни? – решил Валерьянка.

– Сделать все, что можешь! – захохотал настырный пастырь.

Академию наук мобилизовали искать смысл жизни. Академики рвали седины, ваяясь с книжных гор. Пожарники заливали пеногонами дымящиеся ЭВМ. Смысл!

Творить добро? Для этого надо, во-первых, знать, что это такое, во-вторых, уметь отличать его от зла, в-третьих, – уметь вовремя остановиться. Хоть с бессмертием: чего ценить жизнь, если от нее все равно не избавишься? Или со Спартаксом – а что тогда делать Гарибальди? И Возрождения не будет – чего возрождать-то? Если всюду натворить добра, то в жизни не останется места подвигу, потому что подвиг – когда легче отдать жизнь, чем добиться справедливости. Исчезнет профессия героя – это не простят!

Несостоявшиеся герои всех эпох и народов гнались за Валерьянкой, потрясая мечами и оралами. Бежали полярники, тоскующие без льдов, доктора, разъяренные всеобщим здоровьем, строители, спившиеся без новостроек, – весь бессмертный безработный мир, кипящий ненавистью и местью к нему, своему благодетелю...

А навстречу неслись, смыкая окружение, спортсмены, лишенные рекордов, топыря могучие руки, и красавицы, озверевшие в гареме от одиночества.

– За что?.. – задыхался удирающий Валерьянка. – Я же вам... для вас!.. А если нечаянно... стойте – ведь есть

Четвертое правило всемогущества

Что бы ни делалось – я не виноват.

Камнем, бесчувственным камнем надо быть, чтоб сердце не разбилось людской неблагодарностью!

23). Валерьянка стал камнем.

Тверд и холоден: покой. Все нипочем. Века, тысячелетия.

Когда надоело, он пророс травинкой. Зелененькой такой, мягкой. Чуть корова не сожрала.

Фигушки! Он сам превратился в корову. Во жизнь, ноу проблем: жуй да отрыгивай. Только рога и вымя мешают. И молоко, гм... доить?.. Лучше быть собакой. А если на цепь? Улетим птицей. А совы?

Утек он рекой в океан. Так прожил себе жизнью, наверное, семьсот, и...

24). – Заканчивайте, – предупредил Петр Мефодиевич. – Пора.

Ах, кончить бы чуть раньше – на том, как все было хорошо! И пихнула его нелегкая вылезти со своей готовностью: сидел бы тихо. А теперь ерунда какая-то вышла... все под конец испортил.

В тетрадке оставалась одна страница. Хоть у него почерк размашистый, но – сколько успел накатать! Наверно, потому, что не задумывался подолгу, а – без остановки.

Переписать бы... Уж снова-то он не наворотил бы этих глупостей, сначала обдумал бы как следует толком. Вообще нельзя задавать такое сочинение без подготовки. Предупредили бы заранее: обсудить, посоветоваться...

Он перелистал тетрадь в задумчивости. Словно бы раздвоился: один, единый во всех лицах, суетился в созданной им, благоустроенной до идеала (или до ошибки?) и испорченной Вселенной, а второй – как будто рассматривал некую стеклянную банку, внутри которой мельтешили все эти мошки, – эдакий аквариум, где он поставил опыт...

– Всё! – приказал Петр Мефодиевич. – Ошибки проверять не надо.

...и опыт, подошедший к концу, его удручает. И Валерьянка, повинувшись сложному искушению – подгоняемый командой, влекомый этим последним чистым листом, втянувшийся в дело, раздосадованный напоротой чушью: уж либо усугубить ее до конца, либо как-то перечеркнуть, и вообще – играть так уж играть, на всю катушку! – грохнул к чертям эту стеклянную банку, дурацкий аквариум, этот бестолковый созданный им мир, взорвал на фиг вдребезги. Чтоб можно было с чистой совестью считать все мыслимое сделанным, а тетрадь законченной, и следующее сочинение начать в новой.

И в этот самый миг грянул звонок.

25). Валерьянка сложил портфель и взял тетрадь. И растерялся – помертвел: тетрадь была чистой. Как...

Он только мечтал впустую!! Ничего не сделал! Лучше б хоть что-нибудь! Чего боялся?!

И увидел под партой упавшую тетрадь. Уффф... раззява. Он их просто перепутал.

– Урок окончен, – весело объявил Петр Мефодиевич, подравнивая стопку сочинений. – Обнадежен вашей старательностью.

Замешкавшийся Валерьянка сунул ему тетрадь, поспешая за всеми.

– Голубчик, – укоризненно окликнул Петр Мефодиевич, – ты собрался меня обмануть? – И показал раскрытую тетрадь: чистая...

– Я... я писал, – тупо промямлил Валерьянка, не понимая.

– Писал – или только хотел? М?

Наваждение. Сочинение покоилось в портфеле между физикой и литературой: непостижимым образом (от усталости?) он опять перепутал: сдал новую, уготованную для следующих сочинений.

– Извините, – буркнул он, – я нечаянно.

Петр Мефодиевич накрыл тетради своей книжкой и встал со стула.

Тут Валерьянка, себя не понимая (во власти мандража – не то от голода, не то от безумно кольнувшей жалости к своему чудесному миру, своей прекрасной истории и замечательной вселенной), сробел и отчаялся:

– Можно я исправлю!

– Уже нельзя, – соболезнующе сказал Петр Мефодиевич. – Времени было достаточно. Как есть – так и должно быть, – добавил он, – это ведь свободная тема.

– Какая же свободная, – закричал Валерьянка, – оно само все вышло – и неправильно! а я хочу иначе!

– Само – значит, правильно, – возразил Петр Мефодиевич. – От вас требовалось не придумать, а ответить; ты и ответил.

– Хоть конец чуть-чуть подправить!

– Конец и вовсе никак нельзя.

– А еще будем такое писать? – с надеждой спросил Валерьянка.

– Одного раза вполне достаточно, – обернулся из дверей Петр Мефодиевич. – Дважды не годится. В других классах – возможно... Ну – иди и не грши.

В раздевалке вопила куча-мала, Валерьянку съездили портфелем, и ликование выкатилось во двор, блестящий лужами и набухающий почками. Гордей загнал гол малышне, Смолякова кинула бутерброд воробьям, Мороз перебежал перед троллейбусом и пошел с Лалаевой.

Книжный закрывался на перерыв, но Валерьянка успел приобрести за пятьдесят семь копеек, сэкономленных на завтраках, гашеную спортивную серию кубинских марок.

– Ботинки мокрые, пальто нараспашку, – приветствовала его Зинка. – Не смей шарить в холодильнике, я грею обед!

Холодильник был набит по случаю близящегося Мая, Валерьянка сцапал холодную котлету и быстро сунул палец в банку с медом, стоящую между шоколадным тортом и ананасом.

Кентавр

Уж кто кем родился, дело такое. Стыдиться тут нечего. Бывает. У нас, так сказать, все равны. Александра Филипповича, например, – так того вообще угораздило родиться кентавром. Кентаврам еще в античной Греции жилось хлопотно. А сейчас о них почти и вовсе ничего не слышно.

Сначала его не принимали в детский сад: намекали, что нужна специальная обувь, кровать и прочее. Пришлось без боли вырвать заведующей два зуба, устроив ее к знакомому частнику-стоматологу. Но и тогда не велели ложиться в кровать с копытами, а на прогулках он должен был плестись в конце и не размахивать хвостом.

В школе, куда его записали против желания – всеобщее обучение есть всеобщее обучение, – он пользовался уважением, как личность необыкновенная, обладающая к тому же смертельным ударом задней левой. На физкультуре его ставили в пример, но когда на городских соревнованиях жюри не засчитало ему побед в беге и прыжках, он затаил обиду и к спортивной карьере охладел, несмотря на бешеные посулы заезжих тренеров.

Он стал задумываться о судьбах кентавров в истории. И выдержал конкурс на исторический факультет (хотя предпочтение отдавалось имеющим производственный стаж), где прославился как достопримечательность костюмированных балов (первые призы) и душа пикников, на которых он катал верхом всех желающих девушек. Он долго боялся, что не может нравиться девушкам, но оказалось, что многие испытывают к нему сильнейший интерес. И на последнем курсе он удачно женился на профессорской дочке. Правда, семья прокляла ее, но потом опомнилась, что других-то детей нет, и Александра Филипповича оставили в аспирантуре.

Защита диссертации «Роль кентавров в современности» шла бурно: один профессор проснулся и напал с обвинениями в антинаучной фальсификации истории: утверждал, что у античных кентавров было шесть ног, две из которых в результате прогресса и превратились в руки. К счастью, выяснилось, что профессор спутал четвероногих кентавров с шестикрылыми серафимами и шестируким Шивой.

Завотделом кадров воспротивился приему Александра Филипповича в НИИ истории, заявив, что фактом своего существования он подрывает научные основы и мешает атеистической пропаганде, так что тестю-профессору пришлось закрутить все связи. Зато в отделе Древней Греции Александр Филиппович сразу стал непререкаемым авторитетом и предметом зависти со стороны других отделов: сектор средних веков даже попытался устроить к себе настоящую ведьму, но встретил резкий отпор в лице директора, заявившего, что хватит с него и тех ведьм, которые в институте уже работают.

Недолюбливали Александра Филипповича лишь комендант здания, ругавшийся, что приходится менять паркет, и вахтер, на лице которого каждое утро, когда Александр Филиппович аккуратно предъявлял пропуск, появлялось болезненное и беспомощное выражение.

Несчастья начались с разнарядки на сельхозработы. Кто возмущался, что людей много, а кентавр один, а кто возражал, что именно поэтому его и надо отправить. Жена со временем стала стесняться Александра Филипповича перед окружающими (хотя наедине по-прежнему очень любила), и тесть-профессор не заступился. Вдобавок замдиректора, заполняя бланк, в графе «число людей» указал «1», и в мучительном затруднении пояснил в скобках: «+ один конь».

– Это ж надо, – восхитился в колхозе бригадир Вася, – какую полезную породу людей вывели! Давно пора! Во что мы уже умеем, а?

И Александра Филипповича рационально приспособили к телеге с картошкой: он сам насыпал ее в мешки, сам нагружал их, вез, разгружал, складывал и считал; а Вася отмечал палочками в блокноте.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.